

ИЗВЕСТИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

VI СЕРИЯ

ТОМ XVIII. 1924

Июнь — Декабрь, №№ 12 — 18

Вторая часть

BULLETIN
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE RUSSIE

VI SÉRIE

TOME XVIII. 1924

Juin — Décembre, №№ 12 — 18

Deuxième partie

2416

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD

В статье Н. Н. Поппе «Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам» следует везде читать вместо «тюрки» — «турки» и вместо «тюркский» — «турецкий». *Ред.*

Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам.

Н. Н. Понне.

(Представлено академиком С. Ф. Ольденбургем в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 9 апреля 1924 года).

I.

ВВЕДЕНИЕ.

Как большая часть так называемых алтайских языков, чувашский язык до настоящего времени оставался еще очень мало изученным. Между тем, как история тюркских диалектов и отношение последних к монгольскому языку уже более или менее выяснились, главным образом благодаря трудам В. В. Радлова и Г. И. Рамstedта, отношение чувашского языка к соседним до последнего времени вызывало споры. Причина этому лежит в самом материале: трудами В. В. Радлова собрано изумительное количество текстов и записей живой речи самых разнообразных тюркских народностей, приведены в известность и опубликованы памятники древних письменностей — Уйгурской и Енисейско-Орхонской. Монгольский язык точно также может считаться изученным, сравнительно, удовлетворительно: существуют рукописи, восходящие по языку к XIV ст., известны каменописные надписи квадратного письма XIII—XIV ст., наконец, имеется ряд мелких глоссариев, дошедших в трудах мусульманских историков и дающих некоторое представление о живой речи монголов XIII—XIV ст. Ничего этого не оставил чувашский язык в своем прошлом: он не выработал письменности и, следовательно, никаких памятников древнего своего состояния не оставил, если не считать нескольких надгробных надписей XIV ст. на древнем болгарском языке, который по всей вероятности является предком чувашского

языка, о чем ниже. Не представляя никакого интереса в политическом и экономическом отношении, чуваши остались неизученными и со стороны своих соседей. Только в одном отношении язык чувашей мог иметь практическое значение для европейцев: это — для миссионеров, и действительно, трудами православных миссионеров была постепенно создана некоторая литература о чувашах, значительную часть которой составляют филологические работы, главным образом пособия для изучения этого языка, грамматики и словари. Лишь в самое новое время язык чувашей привлек внимание исследователей-филологов, вследствие чего теперь уже можно сделать попытку сравнительного изучения чувашского и тюркских языков с несколько большим успехом, чем это делалось до сих пор.

Говоря о прежних работах сравнительно-грамматического характера, следует остановиться на теориях, проводимых в них, — теориях о родстве чувашского языка с другими языками. Здесь, на протяжении уже целого столетия высказывались всегда только два мнения: по одной теории чувашский язык по происхождению — финно-угорский и лишь под влиянием окружающей среды стал тюркским, впитав множество тюркских элементов; по другой теории он является тюркским языком уже по происхождению. Особником стоят работы, в которых вопрос о принадлежности чувашского языка к другим не затрагивался.

После того, как чувашский язык продолжительное время изучался изолированно, почти сто лет спустя со времени выхода в свет того труда, который чуть ли не впервые познакомил европейцев с народами Поволжья и Сибири, и в котором чувашаи называются просто «языческим племенем»¹, почти одновременно появились две теории о чувашах и их языке.

1. Уже Витзен (1692 г.) установил, что чувашаи составляют татарское племя. Точно также Strahlenberg сопоставил ряд слов чувашского и якутского языков с киргизскими и крымско-татарскими². Тюрками считал чувашей также Schlötzer³, бывший первоначально того мнения, что чувашаи финского происхождения. Вслед за Schlötzer'ом чувашей причислил к тюркам J. Ch. Adelung⁴, который счел нужным выделить их в особую монголо-татарскую ветвь. На неясность термина «монголо-татары» вполне справед-

¹ Ph. Strahlenberg. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia etc. Stockholm. 1730. p. 347.

² Op. cit., p. 156.

³ Allgemeine nordische Geschichte, p. 305.

⁴ Mithridates od. allgemeine Sprachenkunde. Bd. I, p. 495. Также в его же Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte. St.-Petersburg. 1820, p. 35.

ливо указал впоследствии J. Klaproth⁵, стоявший вообще на точке зрения тюркского происхождения чувашского языка⁶. В конце концов, однако, здесь разнича лишь в терминах и важно лишь то, что Adelung не причислял чувашей к финнам. Мнение Adelung'a, что чувашаи — народ тюркский, было принято выдающимся датским лингвистом R. K. Rask'ом, доказавшим, что чувашский язык находится в близком родстве с тюркскими диалектами⁷.

Принадлежность чувашского языка к тюркским языкам была окончательно доказана W. Schott'ом. Вопросу о родстве чувашского языка и тюркских диалектов им была посвящена и его диссертация, напечатанная вероятно в 1841 г., в которой Шотт прямо говорит: «linguam tschuwaschicam non esse fennicac originis, sed dialectum turcicam, per contractiones... adeo deformatam, ut genuinas ac integras vocum formas raro exhibeat»⁴. Приведенная цитата показывает, насколько ярким представителем теории тюркского происхождения чувашского языка является Шотт, ибо он все инновации, наблюдающиеся в этом языке склонен считать результатом самостоятельного развития и отнюдь не следствием каких бы то ни было иноязычных влияний.

Тюркским языком считали чувашский язык и Ahlqvist и Budenz⁵. В самое новое время высказал мнение о принадлежности чувашского языка к тюркским языкам V. Grønbech, считавший его совершенно самостоятельным и обособившимся диалектом на подобие якутского⁶. С этим мнением был согласен и его рецензент⁷.

Grønbech стоит на наиболее правильной точке зрения, полагая, что чувашский язык самостоятельный тюркский язык, ибо, как далее будет видно, чувашский язык никак нельзя считать прямым продолжением пратюркского языка, под каковым подразумевается тот язык, продолжением которого являются все нынешние тюркские диалекты от османского на западе до койбальского на северо-востоке. Приблизительно такое же мнение

¹ Comparaison de la langue des Tschouvaches avec les idiomes turcs. Nouv. Journ. As. I. Paris. 1828, p. 237.

² L. c., срн. Asia polyglotta. Paris. 1823, p. 183. Sprachatlas, табл. XXVII и т. д.

³ Samlede tildeles forhen utrykte Afhandlinger af R. K. Rask. I. København. 1834, pp. 43 ss.

⁴ De lingua Tschuwaschorum. Berolini (s. a.), p. 4. Срн. далее его же статью Etwas über die Tschuwaschische Sprache. Erman's Archiv f. wissensch. Kunde Russlands. 1843. Heft 1, pp. 115—120.

⁵ Suomi, 1856, p. 215 ss. Срн. P. Melieranskij в Göttingische gelehrte Anzeigen. 166 Jahrg. Berlin. 1904, pp. 492 ff.

⁶ Forstudier til tyrkisk Lydhistorie. København. 1902, pp. 2 ss.

⁷ P. Melieranskij, op. cit., p. 492 ss.

высказывает и Г. И. Рамstedt в своей недавно вышедшей в свет работе, а именно, что чувашский язык представляет собою диалект, вполне закономерно развившийся из тюркского пра-языка («...dass das Tschuwassische eine regelrechte Entwicklung der Türkssprache ist und zwar ohne jede direkte Berührung mit dem Mongolischen»¹). В настоящей же работе будет сделана попытка доказать, что чувашский язык восходит не к тюркскому пра-языку, но общему предку тюркского и чувашского языков.

2. Остается сказать несколько слов о теории финского происхождения чувашского языка.

Мнение, будто чуваша относятся к финским народностям, было в свое время сильно распространено. Одним из первых высказался в пользу этого мнения Levesque, ознакомившийся с чувашским языком по книге, озаглавленной «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка»². Levesque полагал, что чуваша — первоначально финны, смешавшиеся с тюрками, чем и объясняются их антропологические и языковые особенности³. Таким образом эта теория возникла почти одновременно с теорией Rask'a. Нужно, впрочем, заметить, что наличие в чувашском языке финских элементов признает и Klaproth, находивший в чувашском языке одну треть финских элементов⁴, но так как он считал, что чувашский язык является прежде всего родственным тюркским языкам, то смотрел, вероятно, на эту треть, как на обыкновенные заимствования. Этим и объясняются его протесты против мнений, будто чуваша — финны, высказывавшихся в Hassels Vollständiges Handbuch der Erdbeschreibung и др.⁵. Упорно считал болгар (предков чувашей) финнами Fraehn, полагавший, что арабские путешественники, называя болгар тюрками, под этим подразумевали народ финского происхождения⁶.

Мнение, будто чуваша, по своему происхождению финны, высказал и Castrén. В своем путевом журнале за март — май 1845 г. Castrén говорит, что чуваша представляют собою татарскую ветвь черемисов («einen Tatarischen Zweig der Tscheremissen») (может быть = отатарившиеся че-

¹ Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen JSFOu XXXVIII, 1. Helsinki, 1922—23. S. 34. (Получена мною уже во время печатания настоящей работы).

² Неизвестного автора без указания места и года напечатания. Вероятно, издано в Москве в 1769 г. и переиздано в Петербурге в 1775 г.

³ Grammaire abrégée de la langue des Tschouvaches. Journ. Asiat. VI. Paris. 1825, p. 214.

⁴ Asia polyglotta, p. 183.

⁵ Nouv. Journ. As. I, p. 238.

⁶ Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgharen aus Ibn-Foszlau's Reisebericht. (Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences. 6 sér., t. I) St.-Pét. 1832, p. 550.

ремисы?), доказательство чему, он видел в близости этих народов в языковом отношении и в летописных преданиях¹. В другом месте он причисляет чувашей к тюркским народностям, но финского происхождения². Эти мнения Castrén высказывал, однако, на основании данных, почерпнутых у других, так как сам он с чувашским языком был знаком слишком недостаточно.

Самым ярким представителем теории нетюркского происхождения чувашей является В. В. Радлов, считавший чувашский язык в нынешнем его состоянии результатом перенесения на не-тюркскую почву какого-то тюркского диалекта. Мнение это В. В. Радлов высказывал печатно и устно. В печати эта теория высказана в труде *Phonetik der nördlichen Türkssprachen*. Leipzig. 1883; подробнее эта теория развивается в неизданных рукописях Радлова, именно в приготовленной им к печати еще в 1916 г. статье *Altürkische Studien VII* и оставшейся за смертью автора ненапечатанной. В общих чертах теория В. В. Радлова такова: в местностях, ныне обитаемых чувашами, и далее на восток к Иртышу в VIII—IX ст. должны были жить тюрки, представители северо-западного диалекта (*Nord-West-Altürkisch*), такой же ветви старо-тюркского языка, как язык Орхонских надписей (*Norddialekt* или *Sprache des Türk-Sir Volkes*)³ и Уйгурский язык (*Süddialekt*)⁴, два диалекта восточной ветви древних тюрков, (*Ostsprache*, die *altürkische Sprache des Ostens*)⁵. Этот северо-западный диалект (*Nord-West-Türkisch*) является, таким образом, диалектом западной ветви древних тюрков, о котором ничего неизвестно, так как он не оставил после себя никаких памятников. Таким образом этот *Nord-West-Türkisch* представляет собою гипотетический диалект, и создание такового в истории тюркских диалектов вызвано исключительно теоретическими предположениями. Тюрки, говорившие на этом неизвестном языке, двинулись в те края, где ныне обитают чуваша, и далее на северо-восток под влиянием толчка, который дал им поток тюркских и других племен, участвовавших в гуннском нашествии на запад. В промежуток времени от VI до VIII ст. тюрки — носители северо-западного говора упрочились в среднем Поволжье и распространили свою власть на финские племена, обитавшие в тех краях и в западной Сибири, результатом чего явилось отуречение ряда племен финского происхо-

¹ M. A. Castrén's Reiseberichte u. Briefe aus den Jahren 1845—1849. St.-Petersburg. 1856, p. 11.

² Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker. St.-Petersburg. 1857, p. 68.

³ W. Radloff. *Altürkische Studien V*. ИРАН, 1911, стр. 430.

⁴ Op. cit., p. 436.

⁵ Op. cit., p. 430. Спр. *Altürkische Studien IV*. ИРАН, 1911, стр. 311 и сл.

ждения. Таким же образом произошел и чувашский язык, явившийся результатом перенесения диалекта Nord-West-Alttürkisch на финскую почву. Исходя из этого предположения, В. В. Радлов пытался в своей статье *Alttürkische Studien VII* восстановить этот диалект по данным чувашского языка, который, по его мнению, сохранил некоторые особенности этого исчезнувшего диалекта. Отгурчение финнов-чувашей В. В. Радлов представил себе следующим образом: в первый период отгурчения тюркский «а» заимствовался чувашами как «ы» (в действительности это древний переход *ā > ы, как в якутском)¹; во второй период «а» заимствовался как «у» (в действительности это закономерное развитие *a > y); в третий период тюркский «а» заимствовался как «а» (что действительно совсем новые заимствования). От этой теории² В. В. Радлов не отказался и в своей неопубликованной статье повторяет ее, несмотря на то, что эта теория вызвала несогласие со стороны критиков³. К доводам последних против теории В. В. Радлова можно еще привести то замечание, что В. В. Радлов не делал различия между заимствованием и наследием от пра-языка и не допускал даже мысли, что чувашский язык в основе своей может быть самостоятельным языком, находящимся в таком же родстве с тюркскими диалектами, как монгольский и, кроме того, может иметь много новых заимствований.

В. В. Радлов считал, значит, чувашей отгурченным финно-угорским народом. Н. И. Ашмарин тоже был склонен думать, что чувашский язык имеет отношение к финно-угорским языкам. Считая чувашский язык во многих отношениях более архаичным, чем все тюркские диалекты, Ашмарин тоже склоняется к мнению, что основа чувашского языка не тюркская⁴. Впоследствии Н. И. Ашмарин построил обратную теорию, что финские элементы проникли в чувашский язык вследствие поглощения тюрками-чуваши финнов Поволжья⁵.

К критике этих теорий можно заметить, что финское происхождение чувашского языка можно было бы считать доказанным, если бы финские элементы, встречающиеся в этом языке, можно было возвести к финно-угорскому пра-языку. Но этого сделать нельзя и, кроме специально черемисских, и, быть может, вотяцких заимствований он никаких других финских элементов не содержит. Кроме того, количество этих явно новых заим-

ствований крайне ограничено и едва ли превысит 10% лексического материала. В области морфологии нельзя найти ни одного финского элемента: даже пресловутое окончание множественного числа -sam (> черем. -šam) Räsänen, специалист-финнолог, возводит к тюркскому sayın «каждый»¹. Можно отвергнуть объяснение, предложенное Räsänen'ом, но факт остается, что финнологи не считают этот суффикс финно-угорским. Таким образом доказать финно-угорское происхождение чувашского языка невозможно, и в этом отношении вторая теория Ашмарина более правильна, а что касается субстрата, то таковой, конечно, может быть любой, ибо чувашский язык есть результат напластования пра-языкового говора на местные говоры не-алгайские, но остается загадкой, какие это были говоры: во всяком случае это не были финно-угорские диалекты.

Остается еще выяснить вопрос об отношении чувашского языка к языку волжских болгар. Относительно этнического происхождения древних волжских болгар существовали разнообразные мнения. Так, например, Fraehn считал болгар народом финно-угорским², другие считали их смесью славян, финнов и тюрков³, третьи считали их народом тюркским. Не касаясь подробно исторической литературы о болгарях⁴, здесь следует остановиться на тех сведениях, которые имеются о языке болгар.

Язык волжских болгар не оставил после себя почти никаких свидетельств. Единственное, что сохранилось от этого языка — это несколько надгробных надписей XIV ст., несколько слов, сообщаемых летописью, и так называемый славяно-болгарский яменьик. Несмотря на то, что надписей этих довольно значительное количество⁵, материал, сообщаемый ими, крайне невелик: всего они дают 13 слов, а именно: *جال* — *jal* «год», *جور* — *jur* «сто», *جيرم* — *jirim* «двадцать», *جيارمنش* — *jierminš* «двадцатый», *جيات* — *jiet* «семь», *تمرچ* — *temrej* (собств. имя), *بيالم* — *bielim* «пятый»,

¹ Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. MSFOu XLVIII, S. 48.

² L. c.

³ Срв. В. В. Григорьев. Волжские болгары. (Россия и Азия. СПб. 1876), стр. 94—95; И. Д. Шестаков. Кто были древние болгары, стр. 71 и др.

⁴ Исчерпывающий библиографический материал в статье А. А. Куника. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому яменьику. (Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах). СПб. 1878 и в статье В. В. Бартольда Bulghār in Encyclopaedia of Islam, p. 791.

⁵ Они изданы Березиным в статье «Болгар на Волге». СПб. 1852, Фейз Хановым в статье «Три надгробных болгарских надписи». Изв. И. Арх. Об-ва, IV. СПб. 1863. О неизданных надписях, а также прежних работах, посвященных им, см. Н. И. Ашмарин. Болгары и чуваша. Изв. Об-ва Арх., Ист. и Этн. при Каз. Ун-те. XVIII, стр. 63 и сл.

¹ В скобках мои замечания.

² Phonetik, § 116.

³ См., напр., Göttingische gel. Anz., 166 Jahrg., p. 493.

⁴ Материалы для исследования чувашск. яз. Казань. 1898, стр. XIX—XXIV.

⁵ Опыт исследования чувашск. синтаксиса. Ч. I. Казань. 1903, стр. VI.

بلوك — *belük* «знак», هير — *žir* «дочь», ايج — *ayiz* «месяц», طغر — *tozor* «девять», تواتم — **tevatam* «четвертый», ات — **at(i)* «он был»¹.

Уже на основании этих слов можно было подметить сходство болгарских форм с чувашскими, и, действительно, еще Фейз Ханов указал на него². Сближение чувашского языка с болгарским на основании надписей было сделано затем Н. И. Ильминским в письме к В. В. Григорьеву³. Наконец, большую статью посвятил вопросу об отношении чувашского языка к болгарскому Н. И. Ашмарин⁴. Выводы Ашмарина были впоследствии приняты В. В. Радловым⁵ и Z. Gombocz'ом⁶.

В русских летописях сохранилось одно болгарское слово, крайне характерная для этого языка форма, именно турун = *turun* || тур. Орх. *tidin* «наместник»⁷.

На основании этого, правда, скромного материала можно установить, что 1) чувашскому *r*, соответствующему тюркским $d \approx z \approx j < *i$, в болгарском яз. тоже соответствовал *r*, 2) чувашскому *r*, соответствующему тюркск. *z* и монгольск. *r*, восходящим к $*i$, в болгарском языке соответствовал тот же звук *r*, 3) чувашск. *l*, соответствующему тюркскому δ и монг. *l*, в языке болгар соответствовал *l* (срв. *jal* «год» $\neq$ тюрк. *yaš* «год жизни»), 4) чувашскому χ ($\neq$ тюрк. *q*) соответствовал в болгарском χ , 5) чувашской форме *ujax* «месяц» соответствовала в болгар. яз. форма *ayiz* id. в отличие от *ai* всех прочих языков.

Множество слов, заимствованных из *r*- и *l*-языка, каким является болгарский и чувашский, имеется в венгерском языке. Таким образом венгерский язык является драгоценным источником для познания древне-болгарского языка⁸.

На основании данных венгерского языка можно установить, что болгарский язык и родственные ему диалекты *r*- и *l*-языка простирались далеко на юго-запад, занимая, кроме Волжско-Камского района, значительную часть южно-русских степей. Исторические данные позволяют также

¹ Н. И. Ашмарин. Болгары и чувашы, стр. 103.

² Op. cit., p. 404.

³ См. статью «О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками» в Изв. И. Арх. Об-ва, т. V, СПб., 1865, стр. 80 и сл.

⁴ Болгары и чувашы.

⁵ В ненапечатанной статье, упомянутой выше.

⁶ Z. Gombocz. Die Bulgarisch-Türkischen Lehnwörter in der Ungarischen Sprache. Helsinki, 1912. (Mém. de la Soc. Finno-Ougr. XXX) ниже sub BTLU.

⁷ А. А. Шахматов. Заметка об языке волжских болгар, срв. А. Н. Самойлович. Турун-тудун. (Обе статьи в V т. Сб. Муз. Австр. и Эгн. 1918 г.).

⁸ Вся литература по этому вопросу у Gombocz'a, op. cit.

установить приблизительную хронологию болгарско-венгерских сношений: это должно было происходить, по мнению Gombocz'a, до IX ст. после Р. Х.¹ Но тот язык, диалектом которого был болгарский яз., простирался также далеко на северо-восток: об этом свидетельствуют немногие заимствования из *r*- и *l*-языка в самоедских диалектах, срв.: сам. Юрак. *jur*, сам. Тавг. *jir* «сто»² < срв. болгарск. *jur*, чув. *šar* id. $\neq$ тюрк. (все диал.) *yüz* id. Таких примеров можно привести еще несколько, но и эти достаточно иллюстрируют сказанное.

Таким образом можно полагать, что на границах Европейской России с Азией от Оби и Иртыша по Уралу до Камы и Волги и далее на юго-запад, быть может, до Дона, говорили на каком то особом языке, имевшем большое сходство с нынешним чувашским языком, одним из диалектов которого был и болгарский язык. Поэтому можно полагать, что нынешние чувашы являются потомками, быть может, болгар, живших в лесах Поволжья и имевших, вероятно, очень слабую связь с городским населением и его цивилизацией³.

Таким образом можно считать вопрос об отношении болгарского языка к чувашскому решенным и считать чувашский и болгарский языки диалектами одной группы, для краткости диалектами болгарской группы⁴.

Выше было сказано, что некоторый материал может дать так называемый болгарский именик; однако к этому материалу следует относиться с большой осторожностью. Уже Куник полагал, что некоторые из слов именика передают тюркские и чувашские числительные⁵, каковое мнение принял Радлов, сделавший попытку расшифровать эти малопонятные слова⁶. Попытка Радлова не может считаться удачной, и Marquart справедливо указал, что по Радлову выходит, что одно и то же числительное в этом памятнике встречается в нескольких, совершенно различных формах, вследствие чего Marquart полагал, что болгарские слова скрывают в себе не числительные, но характеристики правлений⁷. В последнее время вопросу о болгарском именике посвятил статью J. J. Mik-

¹ Op. cit., pp. 201, 205.

² Castrén's Wörterverzeichnis aus den Samoiedischen Sprachen. St. Petersburg. 1855, pp. 15, 53.

³ Срв. Encyclopaedia of Islam, p. 791.

⁴ Срв. А. Н. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Петроград. 1922, стр. 14.

⁵ А. А. Куник, op. cit., p. 121.

⁶ В. В. Радлов в Изв. Ал-Бекри и т. д., стр. 138 и сл.

⁷ J. Marquart. Die Chronologie der alttürkischen Inschriften, S. 98.

koia¹, выяснивший, что болгарские слова обозначают циклические названия годов. Однако, совсем бесспорным этот вопрос не может считаться и теперь, ибо многие формы восстановлены совершенно произвольно, а другие *прямо противоречат* духу болгарского языка. Формы эти следующие:

1) *šegor* < *šigir* «бык, корова»². Сомнений не возбуждает.

2) *dvanš* < **davšan* «заяц»³. Форма явно не болгарская, так как на основании монгольского *taulai* < **taulai* ≠ тюрк. *tabišqan* id. ожидали бы *l-* форму.

3) *dilom* < **dilan* «змея»⁴. Сомнений не возбуждает.

4) *dozs* «свинья», срв. тур. Ком. тоцуз и т. д.⁵. Для болгарского следовало бы ожидать форму с *g*, т. е. **dozr*.

5) Форма *somor* = -so + *morin* «конь» ≠ монг. *morin* id. восстановлена произвольно и разбита на двое⁶. Кроме того неизвестно, существовало ли в болгарском яз. слово *morin*, засвидетельствованное только в монгольском языке. Менее всех сомнительны формы *vešem* = чув. *v'šém* «третий», *tutom* = чув. *təvatəm* «четвертый», *tvirem* = чув. *təxərəm* «девятый». Остальные не соответствуют представлениям о болгарском языке, срв. *bežti* < **beštem* «пятый» = чув. *pišlak* «пять», срв. болгарск. надписи *bielim* «пятый», *l-* форма⁷.

Как видно, болгарский именник содержит ряд совершенно искаженных и *невосстановимых* форм. Это необходимо иметь в виду и лучше отказаться вообще от сопоставлений форм именника с ныне живущими чувашскими и от исторических построений на основании этого лишь материала.

Это все, что можно сказать о материалах для исследования чувашского языка и других, ныне исчезнувших говоров болгарской группы языков.

Некоторый материал для исследования истории специально чувашского языка дают чувашские заимствования в финно-угорских языках: в вотяцком и зырянском⁸, в черемисском⁹ и в мордовском¹⁰, но эти заимствования в большинстве случаев новые и мало интересные.

¹ Die Chronologie der türkischen Donaubulgaren. Journ. de la Soc. F.-Ougr. XXX, № 33. Helsinki, 1913—1918.

² Op. cit., p. 11.

³ L. c.

⁴ L. c.

⁵ Op. cit., p. 12.

⁶ Op. cit., p. 12.

⁷ Op. cit., p. 16.

⁸ Yrjö Wichmann. Die Tschuwassischen Lehnwörter in den Permischen Sprachen. Mém. de la Soc. F.-Ougr. XXI. Helsingfors, 1903.

⁹ M. Räsänen, op. cit.

¹⁰ H. Paasonen. Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen. JSFOu XV, 1907.

Указатель главнейших пособий для изучения чувашского языка.

Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. I. Учение о звуках. Ч. II. Учение о формах. Казань, 1898.

Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Казань, 1903.

Н. И. Ашмарин. Thesaurus linguae tschuvaschorum. Вып. 1, 2. Казань, 1910, 1912.

В. П. Вишневский. Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской Епархии. Казань, 1836.

В. П. Вишневский. О чувашском языке. (Заволжский муравей, 1832, № 20).

Z. Gombocz. Csuvás szójegyzék. Nyelvtud. Közlemények XXXVI.

Александра Ив. Добролюбова. Ознакомление с фонетикой и формами чувашского языка посредством разбора и перевода оригинальных чувашских статей. Воспитанника Казанского частного Миссионерск. Приюта — под ред. Ник. Ив. Золотницкого. Казань, 1879.

Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и паречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875.

Н. Золотницкий. Заметки для ознакомления с чувашским наречием. Вып. I. Отдел звуковой. Казань, 1871.

Н. И. Золотницкий. Особенности чувашского языка, зависящие от изменения и выпуска согласных гортанных звуков. Казань, 1877.

Н. И. Ильминский. О фонетических отношениях между чувашским и тюркскими языками. ИИАО V. СПб., 1865.

J. Klaproth. Comparaison de la langue des tchouvaches avec les idiomes tures. Nouveau Journ. As. T. I. Paris, 1828, p. 237—246.

В. И. Лебедева. О чувашском языке. Ж. М. Вн. Д. 1852, ч. 40, стр. 79—117.

Н. Лебедев. Пособие к изучению чувашского языка по материалам Н. И. Золотницкого издал — Казань, 1894.

Levesque. Grammaire abrégée de la langue des Tchouvaches par —. Journ. Asiat., t. VI. Paris, 1825. Составлена на основании «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка».

В. Магницкий. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.

В. Магницкий. Дополнения к «Корневому чувашско-русскому сло-

варю». Казань, 1875 в Каз. Губ. Вед. за 1882 г. на основании материалов, оставшихся после смерти Н. И. Золотницкого.

B. Munkácsi. Csúvas nyelvészeti jegyzetek. Nyelvt. Közl. XXI.

Н. В. Никольский. Русско-чувашский словарь. Казань, 1909.

H. Raasonen. Csúvas szójegyzék. Budapest, 1908. (Nyelvt. Közl. 1907—1908).

G. J. Ramstedt. Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen. JSFOu XXXVIII, 1. Helsinki, 1922—1923¹.

В. Сбоев. Исследования об инородцах Казанской губернии. I. Заметки о чувашах. Казань, 1856.

В. Сбоев. Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Их происхождение, язык, обряды, поверья, предания. Москва, 1865.

П. Савельев. Казанские чуваша. Ж. М. Вн. Д., ч. 36. 1851, стр. 391—412.

Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Издано вероятно в Москве в 1769 г. Рецензия в Götting. gel. Anz. 1770, S. 419².

Guilelmus Schott. De lingua tschuwaschorum. Dissertatio qua ad audiendam praelectionem muneris rite adeundi gratia die XXXI mensis Julii, hora prima habendam invitat —. Berolini (вероятно 1841 г.).

Его же в переводе на французск. яз. в издании E. Leroux. La langue des Tschouwaches par W. Schott. Paris, 1876³.

W. Schott. Etwas über die Tschuwaschische Sprache. Ermans Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland. 1843. Heft I, p. 115—120.

Что касается книг и статей, принятых во внимание при составлении настоящей работы, то указатель им здесь не будет дан, так как в ссылках названия приводятся полностью.

Остается еще сказать несколько слов о внешней стороне настоящей работы. Чувашские формы приводятся всюду в транскрипции Н. Раасонен⁴, но знаками русской лингвистической азбуки, так как, согласно принятой здесь системе, знаками латинского алфавита транскрибируются формы письменные, а знаками русского алфавита формы живой речи. Из монгольских форм обыкновенно указываются лишь письменные, тюркские формы

приводятся не все, чаще лишь уйгурские, орхонские, османские и т. д.; так как в пределах тюркских наречий бросается в глаза фонетическое единство.

Многие из предложенных здесь этимологий и примеров взяты из трудов G. J. Ramstedt'a без указания источника, так как большинство из них принимается всеми. Кроме того это сделано с целью не загромождать текста ссылками. Только относительно некоторых, наименее бесспорных, этимологий делаются указания об их источнике.

II.

Смычные в начале слова.

§ 1. В тюркских диалектах в начале слова встречаются только глухие смычные p , t , q , k , а из звонких b . Диалектически $k > q$. Из названных фонем p — вторичного образования ($< *b$: в алтайск., телевгитск. etc.), так как пра-языковая фонема $*p$ не сохранялась нигде, и слова, начинавшиеся на $*p$, в тюркских и монгольском языках начинаются с гласного. В монгольском языке XIII—XIV в. фонема $*p$ еще отражалась как h ¹. Этот пра-языковый $*p$ сохранился в anlaut'e только в манджурском языке и тунгусских наречиях, отражаясь как f или p . На основании имеющихся данных историю этого $*p$ можно представить следующим образом: $*p > *f$, $*f > *h > 0$ ². Чувашский язык в данном случае разделял судьбу монгольского и тюркских языков: пра-языковый $*p >$ чув. o , чувашский же и восходит к $*b$.

В глухих фонемах q , k , t в начале слова в тюркских наречиях совпали глухие и звонкие $*q$, $*\gamma$, $*k$, $*g$, $*t$ и $*d$ и только на основании монгольских и тунгусских соответствий можно установить, в каких случаях тюркский глухой восходит к глухому и когда к звонкому. Чувашский язык в данном отношении представляет собою полную аналогию к тюркским диалектам.

§ 2. Тюркскому веларному заднеязычному q в чувашском языке соответствует x . Переход $*q > x$ завершился задолго до XIV ст., так как в болгарских надгробных надписях начала XIV ст. уже встречаются формы с x , напр. хѣр — хѣр «дочь, девушка», хѣр — хѣр «девять». В болгарских же заимствованиях в венгерском языке q удержался как смычный: срв. венг. karó «кол» $< *qar\dot{q}$ || осм. казык id.³ || монг. qadaγasan id. и т. д., и лишь

¹ См. мою рецензию: Die tschuwassischen Lautgesetze (Asia Major I).

² Срв. А. А. Куник, op. cit., p. 144. Прим. 1.

³ По указанию у Н. И. Аншарина. Материалы и т. д., стр. XXV.

¹ Срв. Н. Поппе. Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвини. ЗВО XXVI, стр. 195 сл. слова: hūngsen , hūker и т. д. (Печат в скором времени выйти в свет).

² G. J. Ramstedt. Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache. JSFOu XXXII, 2, p. 9.

³ Gombocz. VTU, p. 202.

в немногих словах в венгерском языке этому **q* соответствует *h*: срв. венг. *harang* < **ḡaran* «котел» ≠ тюрк. *qazan* id.¹ Поэтому с точностью доказать, когда завершился процесс развития **q* > *x*, трудно, но можно предполагать, что в VIII—IX ст., когда должны были происходить венгерско-булгарские сношения², это явление частично или диалектически (**ḡaran*, но **qarān*) уже должно было наблюдаться, а к началу XIV ст. этот процесс уже завершился.

Как уже сказано, чувашский *x* соответствует тюркскому велярному заднеязычному смычному *q*. Что касается тюркского медиопалатального *k*, то ему соответствует в чувашском языке *к*. Здесь следует заметить, что различие велярного *q* и медиопалатального *k* вероятно очень раннего происхождения. Уже в пра-языке должны были существовать два заднеязычных: велярный и медиопалатальный, ибо отражаются они во всех алтайских языках различно: **q* > монг.-писм. *q*, ойратск.-писм. *χ*, монгольские живые диалекты *x*, тюркские все диалекты *к*, якутск. *к*⁺, чувашск. *х*; **k* > монг. и ойратск.-писм. *k*, ойратск. говоры *к*; монгольск. живые диалекты *x*, тюркск. все диалекты *к*, чувашск. *к*.

Примеры чув. *x* < **q*.

Чув. хэл «зима» ≠ тюрк. *qış* id.

Чув. хэлэх «конский волос, струна» ≠ тюрк. *qıl* id. ≠ монг. **qıl* + суфф. -*sun*, *kilyasun* id.

Чув. хуп- «запирать» ≠ тюрк. Осм. *kapā-* id., Орх. *qarīr* «ворота» ≠ монг. **qawa-* > *qara-* «запирать», халх. *xā-* id., *qaralya* «ворота», халх. *xālǵa* id., дэрб.-Астр., Кобд., торгут. *xālǵa* «дорога» < «ворота».

Чув. хўре < *хўре «хвост» ≠ тюрк. **qudurur*, *qudurıq*, Як. кутурук, Сой. кудурук, Сар. кузрук, Каз. *koıruk* id. ≠ монг. *qudur* «подхвостный ремень».

Переход **q* > *x* наблюдается также в старых заимствованиях: срв. чув. хушка «плешь» < тюрк. *qaşqa* id. ≠ монг. *yalǵan* id. В новых заимствованиях смычный удерживается, срв.: чув. калбак «шапка» < срв. Каз. *kalnak* id. ≠ монг. > *qalbang* id., халх. *xalbān* id. Чув. карёндэк «оконное стекло» < срв. Кирг. карындык «брюшная перепонка, служащая стеклом в окне». К карёндэк < карындык срв. чув. хурёндаш «родственник» <

тюрк. *qarındaş* «брат» (старое заимствование), чув. хырәм «живот» ≠ тюрк. *qarın* id. ≠ монг. *qarbing* «отвислое брюхо» (закономерно).

Перед *i*, **i* в монгольском языке **q* > *k*, т. е. перешел в передний ряд, в старинных же рукописях еще встречаются формы *qılınçatan* «грешные», *qıǵarar* «предел, граница» etc.¹ Точно также в чувашском языке **q* перед **i* и **y* был раньше, палатализованным и затем исчез вовсе, дав *j*, т. е. **q* > *j* перед **i* и **y*, срв.: чув. јун «кровь» < **qian* ≠ як. *kʰān* id., все тюркск. диалекты *kan* id.

Чув. јул- «оставаться» < **qial* ≠ як. *kʰāl* id., все тюркск. диалекты *kal-* id.

Чув. јур «снег» < **qiar* ≠ *kʰār* id., все тюркск. диалекты *kar* id., монг. *kirmaṡ* «снежок».

Чув. јөнә «ножны» < **qini* ≠ тюркск. Каз. *kyn* id.

Чув. *к* < **k*.

Чув. кала- «говорить» ≠ монг. *kele-* id.

Чув. кәмәл «серебро» ≠ тюркск. *kümüş* id.

Чув. кәбер «мост» ≠ тюркск. *köprük* id. ≠ монг. **köwerge*, писм. *kögerge* id. Срв. самоедск. Камассинск. *khöürä* < **köwrä*.

Чув. ківзән «заем», срв. венг. *kölcsön* id. < **kölsün*² ≠ монг. *kölösün*, «заем, проценты» и т. д.

§ 3. Как сказано выше, в тюркских диалектах первоначальные глухие и звонкие в начале слова совпали, точно также в чувашском. Точно установить, когда чувашский или тюркский глухой восходит к звонкому, можно только на основании данных монгольского языка, так как в тюркских диалектах, главным образом в османском, наблюдаются вторичные звонкие на месте первоначальных глухих: срв. Осм. дәвә «верблюд» < **tebe*, но дөрт «четыре» < **dört*. Вообще же, даже в древнейших памятниках тюркских наречий, в языке Орхонских надписей, в начале слова кроме *b*, других звонких не бывает.

Древний болгарский язык тоже не имел звонких смычных *q* или *g* в начале слова, ибо монгольскому слову *gölige* «щенок, молодое животное» в болгарском языке соответствовала уже форма с глухим смычным, срв.: венг. *kölyök*, *kölök* «маленькая собака, щенок» < **kölek* ≠ тюркск. *kölek*

¹ Gombocz, op. cit., p. 166.

² Gombocz, op. cit., p. 205.

¹ Срв. Б. Я. Владимирцов. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Р. А. Н. от проф. А. Д. Руднева. ИРАН, 1918, стр. 1550. Срв. Н. Поппе, op. cit., p. 204.

² Gombocz, ВТЛ, p. 103.

ИРАН 1924.

⁵ Gombocz. Zur Laugeschichte der altaischen Sprachen, S. 17. Ср. М. Рäsänen, *op. cit.*, p. 34. Ramstedt. JSFOu XXXVIII, 1, p. 24.

ИРАН 1924.

В заключение о фонеме **t* в anlaut'e следует заметить, что установленный J. Németh'ом фонетический закон, согласно которому монг. *s* ≠ тюрк. *t* ≠ осм. *d* перед всеми гласными¹, в правильности которого справедливо усомнился Г. И. Рамстедт², основан на недоразумении, так как монг. *sana-* «думать» не = тюрк. *tanı-* «знать», но *sana-* ≠ тюрк. *san-*; тюрк. тавы- < монг. *tani-*; тюрк. *tün* «ночь» не ≠ монг. *söni*, но *tün* ≠ монг. *tüne* «мрачный» etc.

Таким образом, **t* > монг., тюрк. и чув. **t*, перед **i* или **i* дает монг. *č*, чув. *tiš*, тюрк. *t*.

§ 5. Переходя к звонкому смычному **d* в начале слова, следует сказать, что его отражения в современных тюркских диалектах совпали с отражениями **t*, в монгольском же **d* > *d*³. Таким образом для чувашского и тюркских языков можно установить **d* там, где тюрк. *t* ≠ монг. *d* ≠ мандж.-тунг. *d*, напр.:

монг. *dabusun* «соль» ≠ чув. *тэвар* id. ≠ тюрк. *tuz*, якутск. *tūs* id.

Монг. *dörben* «четыре» ≠ чув. *тэваттэ*, *тэвадэ* id. ≠ тюрк. **dört* > Як. *tүөрд*, Каз. *дүрт* id., др. диал. *tөрт* id.

Тунг. Гольд. Грубе *šelgá* «голос», *delga* id., К. *dylgan*, тунг. *Castr. dilgan*, мандж. *jil'an* id. ≠ чув. *tišälxə* «язык» ≠ тюрк. *fil* «язык».

Этот звонкий **d* в эпоху, когда происходили первые сношения венгров и чувашей-болгар, повидимому еще существовал, ибо на это указывает такая форма, как венг. *dél* «полдень, юг» < *dül* ≠ монг. *düli* «середина, полдень» ≠ мандж. *dulin* «середина, полдень» ≠ Уйг., Дж. *täš* «полдень, юг»⁴, хотя это единственный пример.

§ 6. Остается еще сказать несколько слов об отражениях пра-языкового **b*. В чувашском языке **b* > п, как в Алтайском, Теленгит., Сойот. и пр.⁵. Переход **b* > чув. п завершился, вероятно, в недавнюю пору, так как в венгерском языке чувашско-булгарские слова заимствованы с *b* в anlaut'e, срв. венг. *borjú* «теленки» < **buraḡu*, чув. *пэру* id. ≠ монг. *biraḡu* id. ≠ тюрк. *bizau* id. В болгарских надгробных надписях тоже встречаются только формы со звонким, срв. *بيالم* — *bielim* «пятый», *بلوك* — *belük* ≠ чув. паллэ «знак».

Примеры **b*.

Чув. *пуян* «богатый» ≠ монг. *bayan* id. ≠ тюрк. *bai* id.

Чув. *пурне* «палец» ≠ тюрк. *barmaq* ≠ монг. *bari-* «хватать».

Чув. *пыл* «мед» ≠ монг. и тюрк. *bal* id.

Чув. паллэ «знак» ≠ тюрк. Уйг. *belgü* id. ≠ монг. *belge* id. С *bil-* «знать» ничего общего не имеет. Венг. *bélyeg*, слав. белегъ «знак» < булгарск. К чув. паллэ «знак» срв. чув. палла- «узнавать», а к тюрк. *bil-* «знать», *bilig* «ум» срв. чув. пэл- «знать»¹.

Смычные в конце слова и в положении между гласными.

§ 7. В отношении смычных в конце слова тюркские диалекты разделяются В. В. Радловым на группы, которые можно свести к двум: к одной будут относиться те диалекты, в которых на конце слова встречаются только глухие, к другой же те, в которых встречаются в этом положении и звонкие. Ко второй группе относятся южные и средне-азиатские диалекты², а также язык Енисейско-Орхонских надписей³ и Уйгурский язык⁴, к первой же все остальные⁵.

Переходя теперь к задне-язычным смычным в конце слова, следует сказать, что звонкий *ɣ* в anlaut'e в средне-азиатских и южных диалектах не всегда отражает **ɣ*, но иногда и *ausl. *q* становится звонким, вероятно, в силу общей тенденции в этих языках, в силу которой следующий за долгим гласным смычный или аффрикат становится в османском звонким⁶. Язык Енисейско-Орхонских надписей сохранил в чистоте первоначальный звонкий *ausl. *ɣ* (**g*): этот **ɣ* в ряде диалектов вокализуется (пройдя стадию спонганта) и сливается с предыдущим гласным⁷, напр.: **aɣ* > Осм. -ā, -aḡ, Каз., Кирг. -w, Алт. -ū, Як. -ыа; **oɣ* > Осм. -ō, Каз., Кирг., Алт. -ū, Як. -уо; **eg* > Осм. -āj, Каз. -ei, Кирг., Алт. -ī и т. д.⁸. Таким образом в anlaut'e можно предполагать всюду **ɣ*, **g*, где в современных диалектах

¹ Gomboez. BTLU, p. 43. Räsänen, p. 174. Kőrösi Csoma Archivum I, 1, p. 84.

² Radloff. Phonetik, § 265.

³ Radloff. Altürkische Studien V. ИРАН, 1911, стр. 430.

⁴ V. Thomsen. Sur le système des consonnes dans la langue ouigoure. Kel. Sz. II, 1901, pp. 247 e. s.

⁵ Radloff. Phonetik, §§ 251 ff.

⁶ Срв. Grønbech. Forstudier til tyrkisk Lydbistorie, p. 60 ss. Grønbech. Selbstanzeige, Keleti Szemle IV, 1903, p. 230. Срв. P. Melioranskij, op. cit., p. 497.

⁷ Radloff. Phonetik, § 292.

⁸ Grønbech. Forstudier, § 41—44.

¹ Nyelvtudományi Közl. XLI, p. 401—402. Keleti Szemle, XIV. Über den Ursprung des Wortes šaman, p. 4 (отл. отт.).

² Egy állítólagos török-mongol hangtörvény. Nyelvt. Közl., XLII, p. 69 e. s.

³ Gomboez. Zur Lautgesch. der alt. Spr., S. 27 u. ff.

⁴ BTLU, p. 68.

⁵ Radloff. Phonetik, § 177 ff.

долгота или спирант, которым в языке Орхонских надписей соответствуют -γ или -g. При этом Орхонск. ausl. q (k) в других диалектах всегда соответствует смычный, который нигде не вокализуется. Последний восходит к пра-языковым *q или *k.

В чувашском языке *γ в конце слова дает в или сливается с предыдущим гласным¹.

Примеры.

Чув. сү- «итти (о дожде)» ≠ тюрк. Осм., Дж. *yaγ-* id., *yaγtī* «дождь», Каз., Бар. *jaγ-* «итти (о дожде)».

Чув. сү «масло» ≠ тюрк. *jaβ*, *jy* «жир, масло». Срв. чув. сав-арни «масляница».

Чув. ту «гора» ≠ тюрк. *taγ*, *таβ*, *тау*, *ту* id.

Чув. ту- «делать» ≠ тюрк. *toγ-*, *tγ-* «рождать» ≠ монг. *tuγurbi-*, халх. *tūjrwā-*, *tūrwi-* «начинать, продуцировать, делать»².

Сопоставление чувашских и тюркских форм с монгольскими показывает, что часто за чувашск. или тюркск. ausl. *γ в монгольском следует еще гласный, т. е. в монгольском такой *γ относится к *inlaut* у, так как первоначальный конечный гласный в тюркск. и чувашск. языках всюду исчез. Таковы следующие примеры:

Чув. су- «донть» ≠ Джаг., Тар., Осм. *saγ-*, Кирг., Каз., Тар. *сау-*, Як. *ыа-* id. ≠ монг. *saya-* id.

Чув. сү < *yīγ ∞ *iγ- «мыть» ≠ тюрк. Каз. *jыу-*, Миш. *jy-* и т. д. «мыть», срв. чув. *infin*. савас «мыть» ≠ монг. *uγiya-* < *uγiγa- < *iγiγa- «мыть», халх. *угā-* id. К фонетике срв. Ком., Туб. *ыбла-* «плакать», др. диал. *jыла-*, Орх. *yīla-* < *iγla- id. ≠ монг. *uγila-* ∞ *uγila* < *iγiγla- id. К появлению лишнего у в начале слова в тюрк. срв. Орх. *ī* «лес» ≠ др. диал. *īγač*, *jыбач* «дерево» ≠ монг. *irγai* < *iγγai «кустарник», которые восходят к форме с anl. *p или *φ⁴.

Чув. пэру «теленки», Золотн. *пру* ≠ тюрк. *бузаβы*, *бузау* id. ≠ монг. *biraγu* id.

В положении между гласными *γ > чув. в, тюрк. β ∞ О, в письменном монг. γ сохраняется, срв.:

Монг. *uγuγaγ* «молозиво» ≠ Уйг. *uγuz* id., Ком. *үс* id.,

Монг. *boγos* «зародыш», *boγosča-* «беременеть» ≠ Тоб. *бузас*, Каз., Кир. *буаз* «беременный».

Монг. *daγara-*, дэрб.-Астр. *дār-* «зябнуть, мерзнуть» ≠ Кирг. *цаура-* «дрожать от холода» и т. д.

Примеры чув. в < *γ.

Чув. *ывэл* «сын» ≠ Орх. *oγul*, др. диал. *оγул*, *оул*, *үл*, Як. *уол* id.

Чув. *хэвэл* «пустой» ≠ тюрк. Уйг. *qoγuš* id. ≠ монг. *qoγosun* id.

Чув. *jэвэр* «беременный» ≠ тюрк. *aγiγ*, Каз. *аур*, Як. *ыар* «тяжелый».

Чув. *сывэх* «близкий» ≠ тюрк. *yaγuq*, *jaβyq*, *jaγk* id. ≠ монг. *daγan* «близко»¹.

Чув. *сivэ* «холод» ≠ тюрк. Осм. *soγuq*, *soγk* id., Алт., Шор. *cōk* id., Тел., Каз. *cγk* id.

Чув. *пэвэр* «печень» ≠ тюрк. Осм., Ад. *баβыр* id., Каз. *баур*, Якут. *быар* id. Чув. *пагарда* «птичий zob» по Grønbech у вероятно обратное заимствование из черемисского².

Чув. *савэл* «клин» ≠ тюрк. Кмд., Леб., Алт. *сыβыс* id.

Чув. *сывэ* «здоровый» ≠ тюрк. Дж., Осм. *saγ* id., Кирг., Каз., Тоб. *сау* id., Алт., Тел. *сү* id. ≠ монг. *sayiγ* < **saγiγ* «здоровый, хороший».

Во многих случаях *γ > чув. О, т. е. пройдя стадию спиранта в, исчезает, срв. след.:

Чув. *пыр* «горло» ≠ тюрк. *boγaz* id.

Чув. *сэр-* «месить» ≠ Осм. *jэвур-*, Тел. *jūra-* id. ≠ монг. *jūγuγa-* id.³

Пра-языковый *g в положении между гласными дает в тюркск. диал. γ ∞ j, срв.:

Монг. *böge* «шаман», халх., бур. *бō*, дэрб., торг.-Астр. *bō* id. ≠ Осм., Туркм. *būjy* «колдовство», Осм. *būj* id., Ком. *būgi* «мудрец», Дж. *būgi* «колдовство».

Монг. *bögesün*, бур.-Хори *bōhen* «вошь», дэрб.-Астр., торг.-Астр. *bōsch* id. ≠ тюрк. все диал. *bit* < **bīt* < **biγit* < **bigit* id.

Монг. *köge* «сажа» ≠ Кач. *kūja* id., Кирг. *kūjō* id. и т. д.

Что касается отражений *g между гласными в чувашском языке, то Grønbech указывает схему: *-eg > чув. ав, *-ig > чув. i, *-üγ > чув.

¹ Grønbech. Kel. Sz. IV, p. 120—121. Ашмарин. Материалы, стр. 81. Räsänen, op. cit., p. 66.

² Ramstedt. Verbstammbildungslehre, JSFOu XXVIII, № 3, S. 25.

³ V. Thomsen. Turcica, MSFOu XXXVII, p. 89—92.

⁴ Ramstedt. Ein anl. stimm. Labial, S. 5. JSFOu XXVIII, № 3, S. 25.

¹ Gombocz. Zur Lautgesch. der alt. Spr., S. 23.

² Forstudier, § 51. Räsänen, op. cit., p. 12.

³ Срв. еще у Ашмарина. Материалы, стр. 49.

-эв¹ и приводит примеры: чув. ав- «гнуть» ≠ тюрк. *eg-*, чув. *сірәм* «двадцать» ≠ тюрк. *yigirma*, чув. *јәвән* «узда» ≠ тюрк. *yöğön*, чув. *сәвә* «шов» ≠ Каз. *јоі-* «шить», Бар., Алт. *јік-*; срв. еще чув. *кәвә* «мелодия» ≠ Бар., Алт., Кир. *күі* «голос, мелодия», Бар., Тел. *кү* «звук, напев» ≠ монг. *kög* «тон, звук» и пр.

Таким образом в конце и в положении между гласными **γ* > монг. *γ*, тюрк. *γ* ∞ О, чув. в ∞ О; **g* в том же положении > монг. *g*; тюрк. *g* ∞ *j*, чув. в ∞ О.

§ 8. Глухой задне-язычный **q* можно предполагать в конце слова в тюркск. диалектах там, где в Орхонском *q*, которому в современных диалектах соответствует *k*, который не вокализуется (т. е. не > *β* > О), срв.:

тюрк. все диал. ак- «течь»; ак «белый»; ок «стрела»; Уйг. *yaq-*, Алт. Каз. *jak-* «приблизиться», срв. *jakын* «близко»; Уйг. *oq* «крик, слово», *oqi-* «читать», Кирг., Осм. *oku-* «звать, петь, читать» etc. В монгольском соответствуют тюркск. формам с *ausl. k* таковые с *inl. q*, т. е. тюркск. наречия утратили и здесь конечные гласные. Такие примеры относятся уже к *inlaut'y*, напр.:

Уйг. *uq* «понимание, значение», *uq-* «понимать», Алт., Леб., Кирг. *ук-* «слушать» ≠ монг. *uqa-* «понимать».

Бар., Каз., Алт. *jak* «сторона», Кирг. *цак id.* ≠ монг. *jaqa* «край, ворот» > тюрк. *jaka* «воротник».

Алт., Леб., Осм. *тык-* «набивать, утрясти» ≠ монг. *ciqul* < *tüqil* «тесный».

Уйг. *saq*, Тел., Леб. ККир. *сак* «чуткий, осторожный», Осм. *сакла-*, «охранять» ≠ монг. *saki-* «стеречь, охранять».

Уйг., Орх. *säq-* «давить, жать», Тел. *сык- id.* ≠ монг. *siqa-* *id.*

Дж., Тар. *bek* «крепкий», Уйг. *bek*, Крм., Шор., Кюар. *пак id.*, Каз. *бик id.* ≠ монг. *beki* «крепкий».

Орх. *kök*, Як. *күөх* «синий, голубой», Уйг. *kök* «небо» ≠ монг. *köke* «голубой», балг. *көк-теңр* «небо!».

Дж., ККир., Ком. *tik* «прямой, крутой» ≠ монг. *cike* < **tike* «прямой».

В чувашском языке во всех двусложных (и многосложных) словах, согласно Gombocz'y и Räsänen'y, конечный **q* > О (отпадает) и сохраняется или дает х в заимствованиях².

В действительности же **q* в конце слова закономерно дает чув. х, срв.:

Чув. *jux-* «течь» ≠ тюрк. *aq-* < **iaq-* *id.*

Чув. *jəx* «сперма» ≠ тюрк. *uq*, *yk* «род, племя».

Чув. *пəx* «смотреть» ≠ тюрк. *baq-* *id.*

Чув. *үjəx* «месяц», срв. булг. *ѣ* *id.* ≠ Осм., Каз. и т. д. *ai id.*

Чув. *сілəx* «грех» ≠ Уйг., Орх. *yaziq*, Дж. *yaziq*, Каз., Алт., Осм. *язык* «грех, преступление».

Чув. *јəрəx* < **iviq* «злой дух» ≠ Орх. *iviq* «священный», Як. *ытык* «почтенный, священный», Койб., Кач. *ызык* «посвященный», Алт. *ыжык* «предназначенный в жертву».

Точно также *ausl. *k* > чув. к (сохраняется):

Чув. *кəвəк* «синий» ≠ Як. *күөх*, Осм. *гөк*, Алт. *көк*, *id.* ≠ монг. *köke id.*

Чув. *азəк* «дверь» ≠ тюрк. (все диал.) *äşik id.*

Чув. *пiləк* «талия, середина туловища» ≠ монг. *belkegüsün* < *belke* + суф. *-gü-sün-* *id.* ≠ тюрк. *bel id.*

Чув. *пilлəк* «пятъ» ≠ Уйг. *beš id.*

Чув. *кiрəк* «грязь» ≠ тюрк. Уйг. *kir* «грязь, нечистоты, пятно» > монг. *kir*, *kkir id.*¹

На основании этих и других примеров можно заключить, что *ausl. *q*, **k* в чувашском закономерно дают х или к. Что же касается случаев, когда тюркскому **q* в *ausl.* в чувашском языке соответствует О (т. е. отпал), то здесь в чувашском был не **q* а **γ*, ибо слова, оканчивающиеся в тюркск. наречиях на *k*, имеют соответствия в чувашском с суффиксом -**γ* (т. е. здесь просто разные суффиксы: в тюркск. *-q*, в чув. -**γ*), срв.:

Тюрк. Каз., Ком., Сой., Тоб. *кадак* «гвоздь, подкова» ≠ монг. *qadaqa* + *sun* «гвоздь, кол».

Тюрк. Кирг. *цудрук*, Алт., Тел. *Бар* *јудрук*, Як. *сутурук*, Караг. *нудурук*, Шор. *нузрук*, Койб. *нумзурук* < **нузурук* «кулак» ≠ монг. *ni-durqa* «кулак».

Тюрк. все диал. *адак*, *ајак*, *азак* «нога» ≠ чув. *үра* «нога», etc.

Поэтому такие слова, как чув. *эвəс* «осина» или *пурне* < **пүрине* «палец» необходимо отличать от соответствующих тюркских форм. Прежде всего, *эвəс* с *аусак*, *апсак* «осина, тополь» может и не иметь ничего общего,

¹ Kel. Sz. IV, p. 120—121. Forstudier, § 51. Срв. Räsänen, op. cit., p. 60 ss., срв. p. 12. Раньше еще Gombocz. VTJL, p. 168.

² Gombocz. VTJL, p. 170. Räsänen, op. cit., p. 25.

¹ Другие примеры «лишнего» к в конце слова в чув. у Ашмарина, Материалы, стр. 85.

ибо *əvəs* ≠ *Сар.*, *Койб.*, *Кач.*, *Кыз.* *os* < **ōs* < **aps* «осипа», а *Каз.* *усак*, *Тоб.* *аусак*, *Осм.* *апсак* «тополь, осина» < **apsaq* (т. е. **aps* + суфф. *-aq*), очевидно, не зависит от иранск. (срв. и.-евр. **apsika*)¹. Что касается чув. *пурне* «палец», то *пурне* не < **barmaq*, ибо чув. н никогда не восходит к **m*, а во вторых здесь совершенно другой суффикс *-нэ* (суфф. прич. прошедш. времени)² и не зависит от тюрк. суфф. *nominis verb. -maq*.

Наконец, что *ausl. *q, *k* в чувашском никогда не отпадают, доказываются суффиксами с *-q*: *-лэк* (≠ тюрк. *-lġq*)³ (не зависит от *-лэ* ≠ тюрк. *-lġ* ≠ монг. *-luḡa*)⁴, *-эк*⁵ (не зависит от **γ*⁶ ≠ монг. *-ḡa*)⁷ etc.

Конечный **q* сохраняется в чувашском и в заимствованиях, напр. *јумах* «сказка» < *Каз.* *jəmök id.*, чув. *јанах* «дверной столб» < *Каз.* *јаңак id.*, чув. *јасмэк* «чечевица» < *Каз.* *јасмык id.* и т. д.

Z. Gombocz разделяет заимствованные из тюрк. (resp. болгарского) слова с *ausl. q* в венгерском языке на две группы: 1) слова, в которых *k* удержался и 2) слова, в которых *k* отпал. В первой группе в части слов *k* дал на венгерской почве *g*⁸. В действительности же здесь произошло следующее: 1) такие слова, как *apró, békó, kapu* etc.⁹ восходят к формам с **γ* в *auslaut'e*; 2) слова, как *kék, tyúk* etc. восходят к формам с **q* ∼ **k* в *auslaut'e*.

§ 9. Тюркские диалекты в положении между гласными и в конце слова имели в пра-языке глухой **t*. Соответствующим звонким был интердентальный спирант **ð*. Последний в ряде диалектов дает *j*, *з*, *д*, *т*¹⁰. В монгольском тюркскому *inl. *t* соответствует *t*, а **ð* > монг. *d*, перед *i* дает монг. *j* (как **t* перед **i* дает *ç*). В чувашском языке *t* сохраняется как смычный, в положении между гласными **t* > *д*; **ð* > чув. *p*¹¹.

¹ Иначе у Hoops. *Waldbäume und Kulturpflanzen*, 123. *Reallexikon der germanischen Altertumskunde* I, 632.

² Ашмарин. *Материалы*, стр. 307.

³ Ашмарин. *Материалы*, стр. 107. Срв. *Грамматика алтайского языка*. Казань. 1869, стр. 22.

⁴ Вопреки В. В. Радлову. *Phonetik*, § 269, S. 182. *Ann.* 1.

⁵ *Грамм. алт. яз.*, стр. 26.

⁶ *Грамм. алт. яз.*, стр. 25.

⁷ Срв. G. J. Ramstedt. *Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen*. S. 85 ff.

⁸ *BTLU*, p. 170 ss.

⁹ *L. c.*

¹⁰ V. Thomsen. *Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par —*. Helsingfors, 1894—96, p. 190. Срв. Grønbech. *Forstudier*, § 36 и ca. Munkácsi. *Kel. Sz.* V, p. 156. Gombocz. *Zur Lautgeschichte der alt. Spr.*, 22, 29. Radloff, *Phonetik*, § 338, §§ 274—275.

¹¹ Ашмарин. *Материалы*, стр. 95. Gombocz. *BTLU*, p. 167. Räsänen, *op. cit.*, p. 12.

*ausl. *t*.

Тюрк. (все диал.) ат- «бросать, стрелять», Як. ыт- *id.* ≠ чув. ывт- «бросать, кидать».

Тюрк. (все диал.) от, Уйг. *oot* (= *öt*), Як. уот «огонь» ≠ чув. вүт *id.*

Тюрк. Уйг. *qat*, все диал. кат «слой, ряд, этаж» ≠ чув. хут *id.*

Тюрк. (все диал.) кат- «стать крепким, затвердеть, замерзнуть» ≠ монг. *qala-* «засохнуть, затвердеть», *qalaḡu* «жесткий, твердый» ≠ чув. хыт- «затвердеть, замерзнуть».

В положении между гласными **t* > чув. *д*, так как в этом положении в чувашском языке встречаются только *mediae lenes*; перед **i* **t* > чув. *дж* или артикуляционно сильный *tʰi*.

Примеры.

Чув. вадэ «старый» ≠ монг. *ötögü* «старый», *ötöl-* «стариться».

Чув. *јэдэ* < **ita* «собака» ≠ Орх. *it*, Сой. ыт *id.*, Як. ыт, др. диал. *it id.*

Чув. *үдэ* < **ota* «сено» ≠ Уйг. *ot* «трава», др. диал. от, срв. Крм., Ног., Кирг. отар «пастбище», Осм., Дж. *otar-* «пастись», срв. Уйг. *otaci* «врач» ≠ монг. *otaci* «врач», срв. *otar* «пастбище», дэрб.-Кобд. отрар *jowñā* «находится на подножном корму» и т. д.

Чув. *çititiñ* «семь» ≠ Ком., Дж. *yeti*, Алт., Тел. *jätgi*, Осм., Кар., Л. Т. *jädi*, Кир. *çeti id.*, Орх. *yeti*, Енис. *yeti id.*

Чув. *вуджәгән* «острый», **öti-* ≠ Уйг. *ötkür-*, Алт., Тел., ККир. *ötkür-* «пронзять», Тел., Леб., Шор. *ötkür* «острый», Каз. *үткән* «острый» и т. д.¹. Поэтому такие формы, как чув. *адә* «Волга» следует признать новым сравнительно заимствованием из тюркск., так как здесь **t* перед *i* не > *дж*, срв.: дэрб., торг., хош. Астр. *iñl* < **iñl* < **idil* «Волга».

§ 10. Относительно фонемы *b* в положении между гласными Grønbech утверждает, что Орхонск. *b*, чувашск. *b* и осм. *b* или *w* восходят к **b*². Однако, как показывают следующие примеры, Орхонск. *b* часто является вторичным, восходя к **w*, срв. Орх. *sub* «вода», все проч. диал. *су*, *су*, **suw*; Орх. *yabḡu* — высокая должность у древних тюрков³ ≠ монг. *daya-mal* < **dawamal* «ответственный, владетель, наместник»⁴; Орх. *yabiz*, Уйг.

¹ Срв. остальные примеры у Ашмарина. *Материалы*, стр. 99. Räsänen, *op. cit.*, p. 36.

² *Forstudier*, p. 46 ss.

³ W. Barthold. *Die historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften*, SS. 15—16.

⁴ G. J. Ramstedt. *Zur Geschichte des labialen Spiranten im Mongolischen*. Festschrift Wilhelm Thomsen. Leipzig, 1912, p. 182.

yablaq «негодный, подлый» ≠ монг. *ǰayilaŋi* < **ǰawilaŋi* «жалкий, негодный»¹; Орх. *tabrač* < **taŋrač* «Китай», срв. у Феофилакта Симокатты *Tavriac*² и т. д., наряду с Орх. *qabiš* «соединяться» ≠ монг. *qabir* «класть рядом», **qabi-* (восходит к форме с **b*)³.

Таким образом, на основании Орхонск. языка решить невозможно, где был **b*. Чувашский язык тоже ничего не дает, так как чув. 1) в < **r*, 2) в < **w*, 3) в < **y*, 4) в < **b*.

Исходить приходится из монгольского, в котором **b* в положении между гласными > *b*. Вообще же, монг. *b* ∞ *r* восходит к **w*, также, как монг. *r* ≠ тюрк. *b* восходит к **w*. К смычному **b* восходит в монгольском тот *b*, который не чередуется с *r*.

Примеры чув. в < **b*.

Чув. *тəвар* «соль» ≠ монг. *dabusun* «соль».

Чув. *сүлэз*, Золотник. *сүлэз* «лист» ≠ монг. *nabci* id. ≠ тюрк. *јапрак*, *цапрак*, Як. *сәбірдах* id.

Чув. *ывăс* «пригоршня» ≠ Каз. *уыч*, Тар. *бч*, Осм., Ад. *авуц*, Ад. *авыч*, Кюар. *ауц* «пригоршня», **abiša* ≠ монг. *ab-* «братъ», *abiša* «схватка, взятка» и т. д.

В положении между гласными в чувашском встречается и *ḡ*, но он восходит к **p*.

Известия Российской Академии Наук. 1924. (Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Химический состав чевкинита.

Л. Э. Кауфман.

(Представлено академиком А. Е. Ферсманом в заседании Отделения Физико-Математических Наук 6 февраля 1924 года).

Под названием чевкинита приводятся минералы месторождений различных частей света; наиболее поздние анализы произведены, с одной стороны, в Америке Price и Eakins'ом, с другой стороны, в Париже Pisanі. Общее название чевкинитов дано этим минералам по имени первого из аналогичных минералов, найденного на Урале, анализ которого был впервые произведен Розе¹ и проверен Германом² и получившего название по имени министра Чевкина. Следующий по времени анализ, сделанный Damour'ом³ относится к минералу, названному им по месту нахождения Коромандель.

В заметке, посвященной этому анализу, Дамур указывает на сходство данного минерала с минералом, анализированным Розе и названным чевкинитом, и признает эти минералы за титано-силикат церия, железа и кальция, причем кислород кремния и титана относится к кислороду оснований, как 1:1:1.

В этих анализах все железо отнесено к окисному железу, что, как видно будет из дальнейшего, не соответствует истине. Анализы Розе были

¹ Ibid., p. 185.

² E. Chavannes. Documents sur les Tou-Kiue (Tures) occidentaux. Сборник Тр. Орх. Эксп. VI. СПб. 1903, p. 246.

³ Ramstedt. Verbstammbildungslehre, p. 23.

¹ G. Rose. Pogg. An. 1839, v. 48, p. 551 и 1844 v. 62, p. 591.

² Hermann. Bull. Soc. de Moscou. 1866, v. p. 57; J. pr. Ch. 1868, v. p. 332.

³ Damour. Bull. Soc. Geol. 1862, v. 19, p. 550.

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ИЗВЕСТИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

VI СЕРИЯ

ТОМ XIX. 1925

Январь — Март, №№ 1 — 5

BULLETIN
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE RUSSIE

VI SÉRIE

TOME XIX. 1925

Janvier — Mars, №№ 1 — 5

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD

247(1)

в 9 огромных томах — фактически в 18 — и ее продолжение, *Histoire de France contemporaine*, в 10 томах, — менее, чем в 20 лет (1903—1922).

Всем этим деятельность Лависса не ограничивалась¹. Он был горячим сторонником реформы высшей школы во Франции, одним из деятельных инициаторов и участников в деле замены отдельных факультетов университетами (закон 10 июля 1896 г.), по образцу немецких. В своих *Essais sur l'Allemagne impériale* (стр. 276) он говорил: «Надо победить приобретенные привычки, невежество одних, злую волю других, демократический предразсудок против высшего образования и предразсудок утилитарный, который, признавая только непосредственно полезное, иссушил бы, если позволить ему это, самый источник полезного, т. е. образование ума». Вопросам образования Лависс посвятил не мало статей, речей и книг². В своих речах, с которыми он так любил обращаться к учащимся, он касался этих вопросов, делился своими личными воспоминаниями и наблюдениями. Кроме научных трудов, он писал и для школ; ему принадлежит, напр., «История Франции» в 3 редакциях: курс элементарный, средний и высший. В 1904—1918 гг. Лависс состоял директором Нормальной школы. В Сорбонне он был любимым профессором. Гастон Буассье называл его «патроном молодежи»³.

На старости лет Лависсу пришлось пережить тяжкие события мировой войны: снова департамент Эны подвергся нашествию немцев; родное гнездо Лависса, дом в Нувионе был сожжен; квартиру в Париже, в которой Лависс жил с 1868 г., в течение 40 лет, пришлось покинуть, так как она находилась в линии огня больших немецких орудий⁴.

Глубокий старик, Лависс умер 17 августа 1922 г., ровно четыре месяца не дожив до 80 лет.

Направление и взгляды Лависса не совсем соответствуют господствующему в нашей современной науке направлению. Он уделял сравнительно мало внимания экономическим факторам; он, быть может, иногда слишком преувеличивал роль личности в историческом процессе. Но он был одним из крупнейших и характернейших представителей французской историографии последней четверти XIX и XX в. Его труды по истории Пруссии и его «Людовик XIV» принадлежат к лучшим ее образцам.

¹ На статьях Лависса, которые печатались им во время войны и по поводу войны в *Temps*, в *Bulletin aux armées*, в *Revue de Paris*, здесь останавливаться не место.

² Таковы его: *Questions d'enseignement national*. 1885; *Etudes et étudiants*. 1890; *A propos de nos écoles*. 1895, *Un ministre*, Victor Duruy. 1895.

³ Leguay, стр. 32.

⁴ Pfister, *Rev. histor.*, 1922. nov.-déc.

Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам.

Н. Н. Поппе.

(Представлено академиком С. Ф. Ольденбургом в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 9 апреля 1924 года).

III.

Спиранты.

§ 11. Пра-языковый *s отражается в монг., турецк. и чувашск. языках как с. В Бурятск. *s > h, в Якутск. anl. *s > 0 (исчезает), пройдя стадию *s > *h > 0, в Башкирск. anl. s > h.

Примеры anl. *s.

Чув. сағар, саккэр «восемь» ≠ тур. sekiz id.

Чув. самэр «жир» ≠ тур. semiz id.

Чув. сав- «любить» ≠ тур. sev- id.

Чув. савәл «клин» ≠ тур. Кмд., Леб. сығыс id.

Чув. сәр- «фильтровать» ≠ тур. Каз., Алт. сүз- id.

Чув. сәт «молоко» ≠ тур. süt ≠ монг. sün id.

Чув. сәмза «нос, клюв» ≠ монг. samsa «ноздря».

Чув. сыхә «осторожный» ≠ тур. sağ id. ≠ монг. saki- «стеречь, быть бдительным».

Перед *i, *i *s > чув. ш.

Чув. шап- «завянуть» ≠ Каз. сiң- id.

Чув. шәвә «жидкий» ≠ Каз. сыжык ≠ монг. singgeg id.

Чув. шәк «моча» ≠ Каз. сідік, Осм. сідік, Як. ік id.

Чув. шәбәр «метла» ≠ Каз. сибіркә «веник» ≠ монг. sigür, Халх. шүр «метла».

Чув. шыв «вода» ≠ Орх., Уйг. *sub* < **suw*, Кирг. *cū* «вода» ≠ монг. **usub*, срв. *usubki* «водянистый».

Чув. шур «болото» < **šar* ≠ Осм., Каз., Кир. *саз id.*, Башк. *hāu* «болото».

В положении между гласными **s* > чув. *з*, в конце слова **s* > чув. *с*, срв.:

Чув. *ас* «память, разум» ≠ Уйг. *es*, Тел., Кар. *Л. äc id.*

Чув. *јус* < **ias* «горностай» ≠ Орх. *as*, Каз. *ас id.*

Чув. *кас-* «резать» ≠ тур. *kes-* *id.* и т. д.

Чув. *пус-* «давить, наступать» ≠ Орх. *bas-*, Каз., Осм., Ал., Крм., Тар. и т. д. *бас- id.* ≠ монг. *basu-* «оскорблять».

Чув. *хәс-*: *кус х.* «закмурить глаза», *хәстар-* «давить» ≠ Каз., Кирг., Алт. *кыс-*, Орх. *qīs-* «давить» ≠ монг. *kisa-* «давить, жать» и т. д.

Чув. *әзан* «тетерев» ≠ Каз., Тоб. *усан id.*

Чув. *казғә* «кусок» ≠ монг. *keseg id.* ≠ Осм., Дж. и т. д. *kesek id.*

Фонема **s* в положении между гласными, из которых второй **i*, дает в чувашском ж: чув. *әжә* «теплый» ≠ Джаг. *isiγ*, Уйг. *isig*, Каз. *исси* и т. д. В силу диссимилиации со следующим **s*, начальный **s* в чувашском исчезает¹. Что касается перехода **s* > ш перед *i*, то уже в венгерском языке *s* перед *i* в заимствованных словах представлен как *š*, перед другими гласными как *s*. Срв. венг. *s* (= *š*) ≠ чув. *ш*:

Венг. *šörör*, *šörör* «мести», *šörri* «метла» ≠ чув. *шөрөр* «метла».

Венг. *šerke* «гнида» ≠ чув. *шәрға id.*

Венг. *šima* «гладкий» ≠ Уйг. *siba*, Дж. *šima id.*

Кроме того, в венгерском языке сохранился ряд форм с *sz* (= *s*) < **sⁱ*, что указывает на то, что в эпоху заимствования **sⁱ* еще не всюду дал *š*, срв.: венг. *szarú* «шест» ≠ монг. письм. *širuγ* (= *širuγ*) *id.* и т. д.²

§ 12. При определении пра-языкового **š* необходимо исходить из монгольского и чувашского, исключая случаи с ш в положении перед **i* или **i̇*, так как в этом положении развивается в этих языках вторичный ш³.

¹ Ашмарин. Материалы, стр. 102. Räsänen. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremisschen, S. 27.

² Gombocz. BTLU, p. 120.

³ Следует оговориться, что и это не всегда гарантирует от ошибок ввиду монгольских «переломов» гласных. Срв. Рамstedt. Фонетика, стр. 51 и сл.

Примеры **š*.

Чув. *шан-* «верить» ≠ тур. Каз. *ышан-*, Кар. Т. *ышан-* «доверять».

Чув. *канап* «совет» ≠ Уйг. *kenggeš id.* и др.¹ В некоторых случаях наблюдается соответствие чув. ш ≠ тур. *с*, однако, как показал Räsänen, только в случаях диссимилиации в заимствованных словах². О случаях соответствия чув. *с* ≠ тур. *š* в auslaut'e см. ниже § 23.

§ 13. Турецкий *j* (|| Кирг. *ц*, Як. *с*) в начале слова восходит к разным фонемам: к **š*, **j*, **n*, **y*. В чувашском все эти фонемы тоже совпали и дают *с*.

Пра-языковый **š* отражается в монгольском и манджурском как *d*, в турецких языках как *j* || *ц* и т. д., в чувашском как *с*.

Примеры anl. **š*.

Монг. *dalda* «скрытое, потайное, в тайне», **dal* < **daš* ≠ тур. Каз., Кар. Т. *яшын-* «прятаться».

Монг. *daruγa* «следующий по порядку», Дэрб., Байт. *даралн* «друг за другом», монг. *darui* «тотчас, вслед за» (помен на *-i* от глагола *daru-*) ≠ тур. Уйг., Крм., Осм. *yarın* «следующий день, завтра». Самоедск. Тавг. *jārī* «ема «давить»³ < монг. **daru-* *id.*

Монг. *degeji* «лучшая часть», *degere* «вверх, выше» ≠ тур. Уйг. *yeg* «хороший»⁴.

Чув. *сывәх* «близко» ≠ Уйг., Орх. *yayıq*, Дж. *yayq*, Бар., Леб. *jayk* и т. д. «близкий» ≠ монг. *daγa-* «следовать» ≠ тунг. Castr. *дага* «близкий», *дагаγу id.* и т. д.⁵

Чув. *сілхә*, *сілгә* «грива» ≠ Осм. *jälä*, Кач. *jelin*, Кошб. Castr. *điln id.*, Як. *ciäl id.* ≠ монг. *del* «грива».

Чув. *сула-* «лизать» ≠ Осм., Алт., Каз. *жала-* *id.*, Кирг. *цала-* *id.*, Як. *сала-* *id.* ≠ монг. *doliya-*, *doliγa-*, Халх. *долб-* «лизать»⁶.

Чув. *сілә* «вымя» ≠ Бар. *jilin*, Тел. *jälin*, Кирг. *celin* «вымя» ≠ монг. *deleng id.* ≠ мандж. *delen* «вымя».

В положении между гласными и в конце слова **š* > монг. *d*, тур. т || д || з || *j*, чув. *р*.

¹ Räsänen, p. 33.

² Räsänen, p. 34.

³ Castrén's Wörterverzeichnisse aus den Samojed. Spr., S. 51.

⁴ Иначе у Gombocz'a. Zur Lautgesch. der alt. Spr., S. 27.

⁵ Срв. Gombocz, op. cit., p. 23.

⁶ Ibid., p. 24.

Примеры.

Чув. ура < *адау «нога» ≠ Як. атах, Уйг. адау, Сой., Ур. адак, Шор. Саг., Кач. азақ, Осм. ајак «нога».

Чув. сұран «пешком» ≠ Орх. уадау «пеший», Дж. уауау id., Бар., Каз. јајау id., Осм. јаја id., Абак. јазак id., Як. сатъ «пешеход» к глаголу *уада- > самоед. Юрак. јадам «ходить»¹. (Ввиду этого кажется сомнительным предположение Корна, что турецк. формы заимствованы из среднеперсидск. *pijāduk²).

Чув. тшар- < *тш- «унимать, останавливать» ≠ Уйг. тш-, Джаг. тш-, Каз. тш- id. ≠ монг. cīd-ūr «треног».

Чув. хур- «класть» ≠ Уйг. qo-, Осм., Дж. qo-, Алт., Шор., Койб. koi- id. «ставить, класть» и т. д.³

Когда слово в чувашском языке кончается на *γ, каковая фонема в этом положении сливается с предыдущим гласным, то суффиксы с нач. *ō претерпевают такие же изменения, как в тех случаях, когда они присоединяются к основе с гласным в конце, т. е. *ō > р, напр. сурә «доил» < *saγōi.

Отсюда можно заключить, что комплекс -*γō-, принадлежащий к основе, т. е. в аморфных образованиях, должен дать тоже р, что действительно наблюдается:

Монг. qayda < *qayda «сухая прошлогодняя трава» ≠ Чув. *qayda > хура «сухая трава» > луг.-черем. ора, горно-черем. ара «подстилка»⁴.

Тур. Крм., Кир., Леб., Осм. ојан-, Каз. ујан- «проснуться», Дж. oγjan- id. ≠ чув. вэран- id. и т. д.

Точно также в положении перед некоторыми согласными *ō > чув. р, а именно перед *l и *n, срв. чув. сырла «ягода» < *sīdleg < *yeōleg ≠ тур. Леб. jirläk < *yeōlek, Алт., Тел., Кум. jiläk «земляника». В венг. это слово заимствовано в форме szőlő со значением «виноград»⁵.

Чув. ерне «неделя» < перс. ādīna.

В противоположность случаям приведенным выше, когда в положении перед *n, *l в чувашском наблюдается р < *ō, в обратных случаях, т. е. в положении после соноров *n, *l, *r в пра-языке был не спирант *ō, но звонкий смычный *d, вообще в inlaut'e не встречающийся, кроме положений

после *n, *l, *r. Это доказывается тем обстоятельством, что в языке Орхонских надписей для комплексов *ld* и *nd* имелись особые начертания или же за *l*, *r*, *n* всюду следовал знак для *t*, указывающий, что здесь был не интердентальный *ō, но звонкий смычный. Это предположение доказывается еще тем, что *d* суффиксов *-da*, *-dan*, *-di* и т. д. в чувашском языке после гласных и некоторых согласных дает р (< *ō), но в положении после н, л, р переход в р не наблюдается¹. На основании этого можно установить для пра-языка комплексы -*nd-, -*ld-, -*rd-.

Примеры.

Чув. сәлдәр «звезда» ≠ тур. yıldız id.

Чув. пулдар «мл. сестра или брат жены» ≠ Каз., Осм. балдыз id.

Чув. кәндәр «юг, полдень» ≠ Кир., Тар. күндүз «день», Осм. гүндүз «дневное время», Орх., Уйг. күндүз «день».

Чув. әндәх- «клясться» ≠ Орх., Уйг. antiq (= andiq) «клятва» ≠ монг. andaγar «клятва».

Сказанное здесь прямо не относится к главе о спирантах, но все же имеет отношение к вопросу о *ō и *d в пра-языке, почему пришлось остановиться на этом.

Остается сказать еще несколько слов о *ō в чувашском языке. В VI ст. нашей эры anl. *ō в некоторых турецких диалектах еще существовал. Можно привести следующий пример: название реки Яик у Менандра Протектора Δαχ², т. е. *dayiq. Точно также в болгарских заимствованиях в венгерском языке в anlaut'e наблюдается gy (т. е. *d*) на месте нынешнего чувашск. ё³. Однако, относительно чувашского следует сказать, что в нем уже на очень ранней ступени развития в одной фонеме, из которой развился anl. ё, совпали и *ō и *j и *n, как в Якутском с и в j прочих диалектов.

Гораздо интереснее судьба *ō в положении между гласными и в конце слова. На чувашской почве *ō > р. Это явление очень древнее, что доказывается многими обстоятельствами. Прежде всего, переход *ō > р одна из наиболее характерных черт чувашского языка, сближающая его с болгарским языком, срв. болгарск. турун (*turin) ≠ Орх. tudun «наместник»⁴.

¹ Castrén's Wörterverzeichnisse, S. 12.

² Th. Korsch. Türkische Etymologien. Festschr. V. Thomsen, p. 199.

³ Срв. у Gombocz'a. Zur Lautgesch. der alt. Spr., S. 29 и сл. Ашмарин. Материалы, стр. 95—96. Räsänen, p. 44—45.

⁴ Räsänen, p. 45.

⁵ Gombocz. BTLU, p. 125.

¹ Срв. V. Thomsen. Inscriptions de l'Orkh., p. 190. Grønbech. Forstudier, p. 37. Gombocz. BTLU, p. 167—168.

² V. Tomaschek. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden II, p. 29.

³ Gombocz. BTLU, p. 180.

⁴ Шахматов, op. cit., p. 395 и сл.

В эпоху первых болгаро-венгерских сношений переход $*\ddot{o} > r$ уже начался: срв. венг. *karó* «гвоздь, кол» < $*qar\ddot{u}$, срв. Осм., Уйг. *qar\ddot{u}q*, Каз., Кирг., Алт., Тел., Леб. казык, Башк. кабык id.¹, срв. Каз., Ком., Сой., Тоб., кадак «гвоздь» ≠ монг. *qadaγasun* «кол, гвоздь». В других же словах $*\ddot{o}$ еще не перешел в *r*, срв. венг. *szőlő* < $*s\ddot{o}l\ddot{e}g$ ≠ чув. сырла, Каз. jiläk «ягода». Неудивительно поэтому, если некоторые культурные заимствования из персидского языка подверглись этому же закону, срв. чув. *срне* «неделя» < перс. *ādina*, в др. диал.: Каз. атна, Крм., Кар. Л. Т. айна id.

§ 14. Фонема $*y$ отражается в anlaut'e в монгольском как *y*, турецк. как *j* (|| ц || с), в чувашском как *с*. В положении между гласными $*y >$ чув. в и *j*.

Примеры.

Чув. *сұран* «пешком» ≠ Орх. *yaḍar*, Алт. *jajau* id.

Чув. *сəвар* «рот» ≠ Уйг. *ar\ddot{u}z*, Бар. ағыс, Осм., Дж. *ar\ddot{u}z*, Каз., ККирг. ауз, ККир. օз, Тел., Алт. үс.

Чув. *сəмарда* «яйцо» ≠ Бар. *јумуртка*, Осм. *јумурта*, Тар. *умуртка*, Тар. *омуртка*, *омутка* «яйцо».

Как видно, часто в чувашском наблюдается *с* < $*y$, где в турецк. диалектах в anlaut'e гласный. Можно поэтому полагать, что в турецких диалектах начальный $*y$ исчез.

В середине слова, в положении между гласными, $*y >$ чув. в, срв.:

Чув. *хəвəд*, *х'вəд* «солнце» ≠ тур. Уйг. *quyaş*, все диал. *куяш* id.

Чув. *сəв*, *сү* «лето» ≠ Уйг. *yai* (*yau*), все диал. *jai* (*jaj*) id.

Чув. *сəва-* «считать» ≠ Осм., Крм. *сајы*, Дж. *sai* «число, счет».

Кроме того, чув. в < вторичного $*y$ (< $*\ddot{o}$) в ряде заимствованных слов, так как развитие $*y >$ в, вероятно, новое. Срв.:

Чув. *пəвə-* «красить» < Каз. *буја-*, Уйг. *buda-* ≠ монг. *budu-* < $*buda-$ «красить».

Чув. *пəвə-* «рост» < Каз. *буј*, срв. Уйг. *bod* «тело» ≠ монг. *boda* «вещь, предмет».

Чув. *сү* «лук» < тур. *jai*, срв. Осм. и т. д. *jai* «лук» ≠ монг. *jadasun* «выструганные концы лука», $*jada$.

Чув. *хыв-* «лить» < Каз. *көй-*, срв. Саг. *кус-*, Алт., Тел., Леб., Кир. *куй-* «лить», $*qid-$.

Чув. *хыв-* «перебрасывать мостик» < Каз. *куј-*, Уйг. *qod-* «класть»².

¹ Gombocz. BTLU, p. 90.

² Примеры еще у Ашмарина. Материалы, стр. 80. Räsänen, op. cit., pp. 60 ss.

Этот переход $*y >$ в завершился, вероятно, сравнительно недавно и притом в положении после или перед лабиализованными гласными. После и перед нелабиализованными гласными переход $*y >$ в не наблюдается в чувашском языке, срв.:

Чув. *пујан* < $*bayan$ «богатый» ≠ монг. *bayan* id. ≠ Уйг. *bai*, др. диал. *baі*, *paі* «богатый».

Чув. *ујар* < $*ayar$ «ведро» ≠ тур. Кирг., ККирг., Каз., Осм., Ком. *ayaz* «ясная погода, мороз, лунный свет», Алт., Шор. *ајас* «ясный, безоблачный».

Чув. *ујəх* < $*ay\ddot{u}q$, срв. булг. *Ай—ay\ddot{u}z* «месяц» ≠ тур. все диал. *ai*, Орх. *ay*, id. и т. д.

В заимствованных словах $*y$ сохраняется, напр. Чув. *хəјар* «злой дух» (< араб.), но иногда и исчезает вовсе, напр. *хəтшə* ~ *хəјдшə* «ножницы» < Каз. *каичы* id. < монг. *qayici* id. ≠ Як. *кытби* < $*qawiti$ id.; чув. *уран* < Каз. *аіран* «кислое молоко»; чув. *хуһə* < Каз. *кајын*, срв. *казын*, *кадын* < $*qad\ddot{u}n$ ≠ монг. *qadum* «тесть»; чув. *хүрə* «хвост» < $*xur\ddot{e}$, срв. *кузрук*, *кутурук* «хвост» ≠ монг. *qudur\ddot{u}a* «подхвостник» и т. д. Во всех приведенных примерах $*y$ в чув. языке исчез, оставив после себя палатализацию следующего согласного (*хуһ*), задние же гласные под влиянием его перешли в передний ряд, напр. *хү* «грудь» < $*xuj$, срв. Осм. *kojun* id.

Аффрикаты.

§ 15. В монгольском и турецких языках имеются только два аффриката: $*č$ и звонкий $*j$. Первый из них отражается: в монгольском как *с*, в живых монгольских диалектах как *п* (перед $*i$ сохраняется *ч*), в турецк. диал. как *ч*, в Кюарик., Бараб., Ирт., Минпер. ц, Шорск., Кирг. ш, Абак. и Якутск. *с*¹. В монгольском, судя по записям, датированным XIII—XIV ст., в то время был еще всюду *с*, как ныне в южно-монгольском. В бурятских говорах $*č$ перед $*i$ отражается как *ш*, перед остальными гласными как *с*. В чувашском $*č$ во всех положениях дает *с*.

Примеры.

Чув. *сəр-* «истлеть, сгнить» ≠ Дж. *сəri-*, Тар. *чүри-* id.

Чув. *сүп-* «бить в ладоши, давать пощечины» ≠ Уйг. *сəb-*, Алт., Леб. чап- «бить» ≠ монг. *сəb-ci-* «сечь».

Чув. *сүңсə* «кадка» ≠ Тел., Алт., Крм., Каз. чапчак «кадушка, ведро».

¹ Radloff. Phonetik, § 283.

Чув. сар «войско, солдат» ≠ Уйг. Дж. *serik*, Осм. чәрі «войско, армия» ≠ монг. *serig* (< санскр.).

Чув. саран «лужайка» ≠ Каз. чірәм id. и т. д.

В конце слова *с > чув. с, между гласными ж.

Чув. күс- «переселаться» ≠ Алт., Леб., ККир. көч-, Уйг. көс- «кочевать».

Чув. кас «вечер» ≠ Алт. кәч, Уйг. *kec* id.

Чув. ус- «открывать» ≠ тур. *ac-* id.

Чув. вәс- «летать» ≠ тур. *uc-* id.

Чув. выс- «быть голодным» ≠ Крм., Каз., Уйг. *ac-* id.

Чув. вискә, вискә «три» ≠ тур. *üç* id. и т. д.

Что касается чув. тii, то последний восходит к *tⁱ, но в заимствованиях он соответствует турецкому с, напр. чув. тiiалыш «кривой» < Каз., Кмд. чалыш id.; чув. тiiпан «слава» < тур., срв. Алт., Тел. чан, Уйг. *çab* id.

В ряде заимствований наблюдается соответствие чув. ш и тур. ч, напр. чув. шәттиәк «соловей», срв. Каз. чыпчык id., но такие случаи объясняются диссимиляцией.

§ 16. Фонема *j в тур. яз. дала j, совпав с отражениями *y, *ö и *n. В монгольском *j > письм. j, Халхаск. з, Ойратск. и Бурятск. з. В чувашск. *j > с, напр. Чув. сәнә «новый» ≠ Орх., Уйг. *yanyr*, Алт., Тел. жаңы, Каз. жаңа id. ≠ монг. *janggi* «новость».

Чув. сәр «земля» ≠ тур. *jär*, *jir* id. ≠ монг. *jerlig* «растущий в данном состоянии на земле».

Чув. сәл- «выщипывать» ≠ Осм. јол-, Алт., Тел. јул- id. ≠ монг. *julur-* «выщипывать».

Чув. сәрха «иноходец» ≠ Осм., Дж. *yorğa*, Алт., Тел. јорбо id., јор- «ходить» ≠ монг. *jöröğa* «иноходец», *jöröci-* «шествовать», *jörö-* «намереваться», *jöröy* «намерение, цель».

Чув. сi- «есть» ≠ тур. *jä-* id. ≠ монг. *jeme* «стерво», *jimis* < тур. *yemis* «плод» ≠ мандж. *je-* «есть», *jeki* «еда».

Чув. сү «лук» ≠ Алт., Койб. ја, Осм., Крм. *jai* < *jao «лук» ≠ монг. *jadasun* «конны лука».

Чув. сүл «год» ≠ тур. јаш «возраст, год жизни», срв. болгарск. *јал* — *јал* «год».

В середине слова определить фонему *j трудно, так как в монгольском языке в этом положении наблюдается также вторичный j, срв. *ajirğa*

«жеребец» ≠ тур. азбыр, атыр, id.; монг. *γadana* «снаружи», Дэрб. газә < *γajаγa id. и т. д., где j восходит к *d.

К истории чув. с < *j и тур. j < *j можно заметить, что в эпоху венгро-българских (чувашских) сношений (VIII—IX ст.) в болгарском языке j еще существовал, срв. венг. *gyúr* «месить» < *jörur-, Уйг. *yorur*, Осм. *jöbur* id. ≠ монг. *jürura-* id.¹

Венг. *gyümölcs* (= *d'ümölc*) «плод, фрукт» < *jemelc, срв. Уйг. *yemis*, Осм. *jämish* «фрукт», мандж. *je-* «есть»². Примеров можно привести много, и всюду j дает венг. *gy* (= *d'*). Аффрикат j сохранился до XIV ст. в языке воляжских болгар, срв. *جال* *jal* «год» ≠ чув. сүл «год» ≠ тур. *yaş* «год жизни», булг. *жур* *jur* «сто» ≠ чув. сәр id. ≠ тур. *yüz* id.

Соответствие чувашского и монгольского r и турецк. z.

§ 17. Соответствие чувашского r и турецкого z было известно еще Клапроту, сопоставившему ряд чувашских слов с r и турецких с z³, далее Шотту⁴ и Буденцу⁵. В более новое время этому вопросу посвятил статью Gombocz⁶.

Большинство исследователей объясняли это явление таким образом, что чувашский r развился из *z. Так думали В. В. Радлов⁷, Е. N. Setälä⁸ и Z. Gombocz⁹. В противоположность им Г. И. Рамstedт полагает, что тур. z и чув. и монг. r восходят к *r̥, т. е. к палатализованному r¹⁰. Доводы в пользу этого предположения Räsänen считает убедительными, но так как работа Рамstedта остается мне недоступной, я о них судить не могу. Как бы то ни было, гораздо более вероятным кажется, что в языке был не палатализованный *r̥, но *r̥, близкий к чешскому ř. В дальнейшем соответствие z ≠ r будет возводиться именно к *r̥¹¹.

¹ Gombocz. BTLU, p. 80.

² Gombocz. BTLU, p. 82.

³ Comparaison de la langue des Tchouvaches avec les idiomes turks. Nouv. Journ. Asiat. I, 1828, pp. 237 e. s.

⁴ De lingua Tschuwaschorum, p. 13.

⁵ L. c.

⁶ Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen, S. 2 ff.

⁷ Phonetik, §§ 192, 286 и passim.

⁸ Zur finnisch-ugrischen Lautlehre. Finnisch-Ugrische Forschungen II, S. 273.

⁹ Zur Lautgeschichte der altaisch. Spr., S. 13. BTLU, p. 177.

¹⁰ Räsänen, op. cit., p. 43. Цитирую здесь и дальше всю работу Räsänen'a, пользовавшегося рукописными материалами Рамstedта, т. к. последняя работа Рамstedта о чувашском языке мною была получена уже во время чтения корректур настоящей работы и поэтому использована быть не могла.

¹¹ Получив во время печатания настоящей работы последнюю работу Г. И. Рам-ИРАН 1925.

Примеры чув. р, монг. $r < *r$.

Чув. *jəran* «гряды, межа» $\neq$ Каз. *ызан id.*, ср. чув. *jər* «след, полоса» $\neq$ тур. *Тар.*, *Сарт.*, *Крм.*, *Осм.* *из* «след, полоса» $\neq$ монг. *iga-* «делать борозды сохой, резать», *ig* «лезвие».

Чув. *хәрлэ* «красный» $\neq$ монг. *kiraγan* «красные полосы на заре» $\neq$ тур. *qizil* «красный».

Чув. *пәр* «лед» $\neq$ Орх. *buγ*, все диал. *буз id.*

Чув. *сәр* $< *jār$ «сто» $\neq$ тур. *jüz*, *çüs id.*

Чув. *сәлдәр* «звезда» $\neq$ Уйг. *yulduz*, *Тар.* *julγuz id.*

Чув. *сүр* «весна» $\neq$ монг. *nirai* «новорожденный», $*njar$, срв. *мандж.* *nīyagγun* (= *nīagγun*) «новый, свежий, зеленый» $\neq$ тур. Орх., Уйг. *уаз*, *Тар.*, *Крм.*, *Каз.*, *Осм.* *јаз* «весна», *Як.* *сās* «весна».

Чув. *кәр* «осень» $\neq$ Уйг. *küz id.*, др. диал. *күз*, *күс id.*

Чув. *кәвар* «уголь» $< *kōr$ $\neq$ Осм. *кбз* «жар, горячие угли», *Саг.*, *Койб.* *кбс id.*

Чув. *хәмәр* «пчела» $\neq$ Кир. *коңуз*, *Тел.* *коңыс* «жук».

Чув. *хәндәр* «оторочка на шубе» $\neq$ Бар., Шор. *кундус* «бобр», *Кирг.*, *Осм.* *кундус* «бобр, выдра».

Чув. *мар* «нет, не имеется» $\neq$ тур. *Тел.*, *Алт.*, *Кюар.* *әмәс* $< *emez$ «нет» (отрицательная форма на *-maz* $\sim$ *-mez* от глагола *e-*), срв. монг. *nomem agendi seu acturi -mar* $\sim$ *-mer*¹.

В отношении истории фонемы $*r$ чувашский язык, монгольский и тунгусские должны быть отнесены к одной группе, так наз. *р-языков*. Им можно противопоставить турецкие языки как *з-языки*. К *р-языкам* принадлежал, конечно, и болгарский язык, старший брат или предок чувашского языка, срв. *جور* «сто», *هير* «дочь», *طحر* «девять», срв. также болгарские заимствования в венгерском языке.

Соответствие чувашск. и монгольск. *l* и турецк. *ş*.

§ 18. В литературе уже хорошо известно соответствие турецк. *ş* и монгольск. *l* и чувашск. *л*. Впервые на это указал, насколько известно, Шотт²,

стедта в JSFOu XXXVIII, № 1, я мог с удовольствием констатировать, что моя точка зрения вообще очень близка к точке зрения Рамстедта. (Корректирующее примечание).

¹ Ramstedt. Über die Konjugation des Khalkha-Mongol., p. 38. Примеры чув. *р* и *тюрк.* *з* еще у Ашмарина. Материалы, стр. 96. Gombocz. Zur Lautgeschichte der alt. Spr., SS. 3 ff. BTLU, p. 178.

² De lingua Tschuwaschorum, p. 14.

затем Буденц¹. Указания на это соответствие можно найти у Ашмарина², на монгольской почве это соответствие впервые проследил Рамстедт³, а в более широком масштабе исследовал его Gombocz, привлекая монгольский, чувашский, турецкий и тунгусский материалы⁴.

Объяснения этому явлению давались разные. В. В. Радлов возводил чувашский *л* к турецкому *ş*, т. е. полагал, что *л* $< *ş$, что видно из его выражения «Verflüssigung des *ş*»⁵. Е. N. Setälä понимал это явление приблизительно так же, с той лишь разницей, что возводил *л* к звонкому $*ž$, на подобие того, как $*z$ по его мнению дал чувашск. *р*⁶. Gombocz видел причину этого перехода $*ş > л$ в разных особых обстоятельствах, напр. ставил его в зависимость от ударения, полагая, что $*ş$ в определенном положении по отношению к ударенному слогу мог на чувашской почве дать *л*⁷. Совсем иного рода теорию создает Рамстедт, полагающий, что чувашский *л* и монгольский *l* $\neq$ тур. *ş* восходят к $*l$ (палатализованному *l*), напр. чув. *хәвл* $\neq$ тур. *quyaş* «солнце» $< *quyal$ ⁸.

Трудно высказаться в пользу той или иной теории, ибо с одинаковым успехом *л* может восходить к $*ş$ и наоборот *ş* к $*l$, срв. напр. в ряде языков, где *l* восходит к разным фонемам и, наоборот, разные фонемы восходят к $*l$: южно-остяцк. *т* $< *l$ через $ð$ ⁹ и наоборот согдийско-манихейск. *l* $< *ð$ = согд.-сир. *ḏ*¹⁰ и т. д. Аналогии можно привести из ряда языковых семей. Что касается настоящей работы, то здесь монг. *l* и чувашск. *л* $\neq$ турецк. *ş* возводятся к $*L$, глухому *l*, быть может $*'l$ или $*ʃl$.

Примеры.

Чув. *тишүл* $< *tişal$ «камень» $\neq$ тур. Орх. *taş*, Осм. *таш*, *даш*, Кирг. *тас*, *Як.* *tās id.* $\neq$ монг. *šilaγun* «камень».

Чув. *түл* «внешнее, вне находящееся» $\neq$ Орх. *taş* «вне», *taşra* «вне, по направлению вон», *Тар.* *таш*, *Як.* *тас* «внешняя сторона» $\neq$ *мандж.* *tule* «вне», *tulergi id.*¹¹

¹ Nyelvtudományi Közlemények III, p. 243.

² Материалы для исследования чувашского языка, стр. 92.

³ Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen, S. 97.

⁴ Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen, S. 13 ff.

⁵ Phonetik, § 288.

⁶ Zur finnisch-ugrischen Lautlehre, S. 273.

⁷ Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen, S. 21.

⁸ Срв. Räsänen, op. cit., p. 43—44.

⁹ H. Paasonen. Über die türkischen Lehnwörter im Ostjakischen. FUF II, S. 97.

¹⁰ Срв. R. Gauthiot. Essai de grammaire sogdienne. Paris, 1914—1923, pp. 139, 166.

¹¹ Gombocz. Zur Lautgeschichte d. alt. Spr., p. 18.

Чув. тэл «место, толк» ≠ Осм. дүш «противолежащая сторона», Каз. төш id.

Чув. хэл «зима» ≠ тур. Джаг. qış id.

Чув. тэлә «ножные пути» ≠ Каз. тышау id. ≠ монг. тушаа id. < тур.

Чув. кәмәл «серебро» ≠ тур. күмәш id. и т. д.¹

Явление это, как сказано, распространяется на монгольский, чувашский и тунгузские языки (л-языки) и турецкие (ш-языки). К л-группе принадлежал и болгарский язык, срв. јал *jal* «год» к тур. *yaş*, срв. болгарские заимствования в венгерском языке².

Соноры.

§ 19. Из соноров в турецких и монгольском языках в начале слова бывают лишь *n* и *m*, остальные, т. е. *l*, *r*, *ŋ* встречаются только внутри и в конце слова, также и соответствие монг. *r* и чув. *p* ≠ тур. *z*, монг. *l* и чув. *л* ≠ тур. *š* наблюдаются только в середине и в конце слова.

Вначале слова в турецких языках фонема *n* встречается только в заимствованных словах, кроме того, *n* появляется в anlaut'e там, где отпал предыдущий гласный, срв. Алт., Тел., Леб. *нак* < *инак* < монг. *инаг* «друг», срв. Уйг. *инане* «доверие», *инан-* «доверять»; Шор. *нак* < *инак* «корова» и т. д.

Монгольских заимствований с *n* в начале слова в турецких наречиях много, срв.:

Кирг., Шор., Саг., Койб. *нокта* «недоуздок» < монг. *ногта* id.

Уйг., Орх. *нең* «очень, весьма» < монг. *нең* id.

Джаг. *пөкер* «слуга, клиент, товарищ» < монг. *пөкёр* «друг, спутник».

Кирг. *нура* «обрыв» < монг. *нура* id.

Каз. *нарат* «сосна» < монг. *нарасун* id.

Дж. *нари*, *нари*, Уйг. *нари* «на той стороне» < монг., срв. *инари* «до-селе» и т. д.

Наконец, *n* появляется в тур. вторично, срв.: Койб., Кач. *негәји* «жена старшего брата» < монг. *егеји* «старшая сестра». Также *j* > тур. *n* перед носовым, срв. *јаңмыр* и *намыр* «дождь» и т. д. Закономерно в тур. диал. Леб., Туб., Сои., Караг., Абак. *n* < *j* (< **y*, **ö*, **j*, **n*) в anlaut'e, если в следующем слоге *n* или *m*³.

Точно также в чувашском языке *n* встречается в начале слова только в заимствованиях (русск. и татарск. < др. яз.).

Что касается пра-языкового **n*, то в турецких диалектах он дает anl. *j* (конечно *ц* и *с* и все фонемы, которые могут чередоваться с *j*), совпад с отражениями **j*, **ö*, **y*. В чувашском ему соответствует *с* (как в Якутском *с*). Только в монгольском и тунгузских наречиях anl. **n* отражается как *n*.

Примеры **n*.

Монг. *навси* «лист», Халх. *набчи*, Дэрб.-Кобд. *набчи* ~ *намчи* id., Вост. *леш* id. ≠ тур. Крм., Каз., Дж., Осм. *япраг* id., Як. *сабірдах* id. ≠ чув. *сүлсә*, Золотн. *сүлсә* «лист».

Монг. **nob*, *номуган* < **nobugan* «смирный, кроткий», *ноуи* < **nowir*, **now* «сон» ≠ тур. Тар. *jobаш* «смирный, кроткий», Уйг. *yabaş* id. ≠ чув. *јәваш* «смирный» < Каз. *јыуаш* id.

Монг. *нирай* «новорожденный» ≠ мандж. *нигархун* «зеленый, свежий» ≠ тур. Орх., Уйг. *уаз* «весна», Тар., Крм., Ад., Каз., Осм. *јаз*, Алт., Тел. *јас* id., Як. *сас* id. ≠ чув. *сүр* «весна».

Монг. *нидурга* «кулак» ≠ мандж. *нижан* «кулак» ≠ тур. Алт., Леб., Бар., Крм. *јудрук* «кулак», Кирг. *нудрук*, Саг., Шор. *нузрук*, срв. Койб. *нумзурук* «кулак», Як. *сутурук* id. ≠ чув. *сәмәр* «кулак».

Монг. *нига* «клеить», *нигалду* «прилипать», *нигалдура* «клеить, клеить» ≠ тур. *уаріш* «прилипать», *уаршір* «приклеить», *уаршініш* «прилипать» ≠ чув. *сыбәс* < **yārılca* «приклеиться».

Монг. *нилбу* «плевать», *нилбусун* «слеза» ≠ тур. Тар., Алт., Осм. *јаш*, Уйг., Орх. *уаш* «слеза» ≠ чув. *сүл* «слеза».

Монг. **nilayı*-, **nilcayı*-, Халх. *н'ал'ө*-, *н'ал'ц'ө*- «быть липким, водянистым, скользнуть» ≠ тур. Алт. *јылға* «скользнуть», *јыл*- id., *јылдыр* «заставить скользнуть», тур. *yılan* «змея» ≠ чув. *сәлен* «змея»¹. Сюда же монг. *ниләл* «раздавить», *ниләчи*- id., *ниләра* «раздавиться», Халх. *н'ал'ц'ал*- «раздавить» ≠ тур. Тел. *ылчы*- < **yılca* «раздавить», Шор., Саг. *ылчыра* «слабеть»².

Монг. *науји*-, *наујла*- «колебаться, дрожать», *наујлауи* «росток, молодая ветвь» ≠ мандж. *науји*- «нависать» ≠ тур. Осм., Леб., Крм. *јаика*-, Тел., Алт. *јаikka*- «трясти, кивать», Кирг. *наикал*- «ходить, пере-валиваясь», Сои. *наиккал*-, Тел. *наиккыл*- < монг.³

¹ Примеры еще у Ашмарина. Материалы, стр. 90. Gombocz. Zur Lautgeschichte der alt. Spr., S. 13 ff.

² Gombocz. BTLU, p. 179.

³ Radloff. Phonetik, §§ 223, 224, 226.

¹ Ramstedt. Verbstammbildungslehre, S. 15.

² Ibid., p. 6.

³ Ibid., p. 14.

Монг. *nīrūl-* «складывать», *nīrūsi-* id., *nīrūra-* «гнуть», срв. монг. *nīrūl-* «мять руками, тереть» ≠ тур. Алт., Тел., Леб., Кюар., Каз., Осм. *жык-*, Уйг. *йиқ-* «уронить, рубить, уничтожать», Алт. *жызыл-* «разваливаться»¹.

Мандж. *nīolmongge* «голый», Ороч. *нулакi* id. ≠ тур. Орх., Уйг., Джаг. *yalang*, Бар. *жалаң* «голый»².

Гольд. *намү-* «заплатать», Манегар. *намачёптің* «заплатка» > самоед. Камасс. *немнеі* «заплатка» ≠ Осм. *јама* «заплатка», Алт., Каз., Тоб. *јама-* «заплатать», Саг., Кач. *нама-* id., Туб. *нама* id.³ и т. д.

Этот пра-языковый **n* в начале слова был, повидному, палатализованным, т. е. = **ñ*, чем и объясняется переход его в *j* в турецк. диалектах. Этим же объясняется, вероятно, и чередование монг. *n* ~ *л*: монг. *ноуто* «недоуздок» || Вост.-монг. *лохто*, *локто* id.; монг. *набси*, Халх. *набчи* || Вост. *лапчи*, *лѣпш* id.; далее, *наси* || лачин «коршун»; *нитин* «лук» || луму; *нилбусун* «слеза» || *лимбу*, *лимсы* id. и т. д.⁴ Любопытным примером является самоедск. О. *лога*, Чл. Н. *лога*, МО. *лока*, Таз. *лока* «лисица»⁵ < тунгузск., срв. Гольд. М. *луккү* «длинношерстная собака», О. *лѣккѣ*, мандж. *луки* «густая шерсть», *лукингге* «лохматый» (о собаках) и монг. *ногаі* «собака».

В чувашском языке наблюдается в середине слова и в конце двойное соответствие турецкому **n*, а именно развитие **n* > *н* и **n* > *м*.

Примеры чув. *n* ≠ тур. *n*.

Чув. *айне* «мать» ≠ Алт., Шор., Леб. *анә*, Алт. *анә* «матушка».

Чув. *эне* «корова» ≠ ККирг., Тел., Шор., Осм. *ивәк* «корова» ≠ монг. *әниге* < **әниге* id.

Чув. *јәнә* «ножны» < **јәни* ≠ тур. все диал. *кын*, Як. *кын* id.

Чув. *јәран* «межа» ≠ Каз. Б. *ызан* id.

Чув. *хән* «страдание» ≠ Каз., Кар. Л. *кыјын*, Тел., Леб., Кир. *кыйн* id.

Чув. *хән* «жеребенок» ≠ Алт., Леб., Саг., Кир., Крм. *кулун* «однолетка», Тар., Дж. *қилун* id., «пыленок».

Чув. *сүн-* «гореть» ≠ Крм., Ком., Каз., Дж., Осм. *уан-* id.

Чув. *вүн* «десять» ≠ тур. все диал. *он*, Каз. *өн*, Як. *уон* id.

¹ Ibid., p. 6.

² Gombocz. Zur Lautgeschichte der alt. Spr., S. 86.

³ Gombocz, l. c.

⁴ А. Д. Руднев. Материалы по говорам восточной Монголии. СПб. 1911, стр. 183.

⁵ Castrén's Wörterverzeichnisse, S. 224.

Примеры чув. *m* ≠ тур. *n*.

Чув. *хырәм* «живот» ≠ тур. Алт., Леб., Шор., Койб., Крм., Осм. *карын*, Дж. *qarin*, Уйг. *qarın* id. ≠ монг. *qarbing* < *qarbin* «отвислое брюхо».

Чув. *хүләм* «толстый, частый, густой» ≠ Каз., Крм., Саг., Кач., Осм. *калын* id.

Чув. *сизәм* «молния» ≠ Тоб. *јашын*, Тел. *јалкын* id., Бар., Каз. «пламя», **јалсин*, срв. монг. *јали* «пламя», срв. чув. *сүләм* «пламя».

Чув. *сүрәм* «спина» ≠ Дж. *yaşrin* «лопатка», Бар. *јаурун* id. ≠ монг. *dayari[n]* «сидно на спине».

Чув. *түм* «платье» ≠ тур. все диал. *тон* «верхняя одежда».

Чув. *типәм* «дыхание, жизнь» ≠ Уйг. *тин*, Алт., Тел., Леб., Койб., Кюар., Каз. *тын* id.

Чув. *вәрәм* «длинный» ≠ тур. все диал. *узун* id. ≠ монг. *ur-tu* «длинный» и пр.

Только в положении перед **d* в чувашском **n* удержался как *n*, срв. Чув. *кәндәр* «юг» ≠ Уйг., Орх. *kündüz* «день», Тел. *күндүс* id.; Чув. *хәндәр* «оторочка на шубе» ≠ Осм. *кундуз*, Кирг. *кундуз* «бобр».

Переход **n* > чув. *m* должен был завершиться в чувашском языке давно, так как в венгерском языке слова с *ausl.* **n* уже заимствованы с *m*, срв. венг. *szám* «число» < **šam*, Чув. *сум*, Осм. *сан*, Уйг. *san* id.¹

В монгольских наречиях наблюдается чередование *m* ~ *n*, срв. *на-дәм* ~ *на-дән* «игра», *садам* ~ *садан* «друг», а также иногда монг. *m* ≠ тур. *n*, срв. монг. *хадам* «родня жены» ≠ тур. *кадын* «тесть» id. Поэтому можно полагать, что уже в пра-языке существовало чередование **n* ~ **m*.

Перед **i* фонема **n*, пройдя стадию **ñ*, в турецких языках исчезает, напр.:

Монг. *qonin* «овца» ≠ Орх. *qon* id., Уйг. *qoy*, Алт., Шор., ККир. *koi* id.

Монг. *qamiya* < **qaniya* «где, куда», срв. Халх. *хана*, *ха* id. ≠ Тел., Алт., Шор., Саг., Кир. и т. д. *kai* (вопросительное местоимение), срв. *кайда* «где», Тар., Каз. *кан* id., срв. *кандан* «откуда».

Орх. *añi* «méchanceté, perversité»² ≠ Як. *ајы* «грех».

Турецкому **ñ* в венгерском языке соответствует тоже *ñ* (*ny*)³.

¹ Gombocz. BTLU, p. 184.

² Thomsen. Turcica, p. 54 ss.

³ BTLU, p. 183.

§ 20. Фонема **ŋ* наблюдается только в *inlaut'e* и в *auslaut'e*. В монгольском и турецких языках она отражается как *ŋ* (в письме *ng*). В чувашском ей соответствуют *м* и *н*.

Чув. *м* ≠ тур. *ң*.

Чув. *хәмәр* «цвета коровы» ≠ Тел. *коңыр*, Кир. *коңур* «желто-коричневый, каурый» ≠ монг. *qongγur* < **qoŋur* id.

Чув. *хәмәр* «пчела» ≠ Тел. *коңыс*, Кир. *коңуз*, Алт. *комыс* «жук», Кар. Т. *комуз* «паук, червь».

Чув. *шәмә* «кость» ≠ Осм. *сүмүк*, Дж., Уйг. *sänggük* id., Кир. *сүжөк*, Тел., Алт., Леб., Шор., Койб. *сөк* id., Дж. *sönggek* id. ≠ монг. *šimügen* «костный мозг, мозговая кость, трубчатая кость».

Чув. *тәм* «мороз» ≠ Каз. *туң* id., Тоб., Алт., Тел., Саг. *тоң* id.

Чув. *ум* «перед, передний» ≠ Тел., Леб., Шор., Кир., Крм. *оң*, Уйг., Дж. *öng* «передняя сторона, лицо» ≠ монг. **ötüne*, письм. *etüne* «вперед», Дэрб.-Астр. *öмнө* id.

Чув. *кәмәллә* «сердечный» ≠ Тар., Кир. *көңүл*, Уйг., Дж., Ком. *köng-gül* «сердце» ≠ монг. *kömtüldürge* «нагрудный ремень» > Тел. *көмүлдүрбә*, Ком. *kömtüldruk* id. и т. д.

Пра-языковый **ŋ* отражается, следовательно, в монгольском и в чувашском языках при губных гласных как *м*.

Переход **ŋ* > чув. *м* должен был завершиться сравнительно недавно, ибо в вотяцкий и черемисский языки слова с **ŋ* заимствованы еще с *ң*¹.

Что касается соответствия чув. *н* и тур. *ң*, то оно отражает пра-языковый **ŋ* при не-губных гласных.

Примеры чув. *н* < **ŋ*.

Чув. *анзәр* «узкий» ≠ Каз. *иңсиз*, Саг. *иңзәк* id. ≠ монг. *eng* «широкий».

Чув. *ән* «вмянуть, замерзнуть» ≠ Уйг. *öng*-, Тел., Тар. *өң* «вмянуть».

Чув. *јәнәр* «седло» ≠ Крм., Ад., Ком., Осм. *ejer*, Дж. *eger* id.

Чув. *јәнәш* «ошибка» < турецк., срв. Дж. *yangyış* id., Каз. *јаңыш* id., Осм., Крм. *јаңлыш* id., Орх. *yangılıq* «преступление», Уйг., Орх. *yangıl* «ошибаться» ≠ монг. *janggid* «запутаться», *janggila* «узел».

Чув. *хурән* «береза» ≠ Уйг. *qadīng*, Сой. *кадың* id., Шор., Леб., Койб. *казың*, Тел. *кайың*, Каз., Тоб. *кайын*, Алт., Кир. *кайң* id.

¹ Räsänen, op. cit., p. 41.

Чув. *канаш* «совещание, договор» ≠ Уйг., Дж. *kenggeš*, Ком., Бар. *кайңаш* «совет».

Чув. *пін* «тысяча» ≠ Орх. *bing*, Крм. *биң*, Уйг., Дж. *ming*, Кир. *мың* id. ≠ монг. *mingγan* id.

Чув. *сәнә* «новый» ≠ Алт., Тел. *јаңы*, Уйг. *yangyī*, Леб., Кмд., Саг. *ја* id., Осм. *jāni* id. ≠ монг. *janggi* «новость» и т. д.

Что касается чув. *ң*, то он встречается лишь в заимствованных словах и в звукоподражательных¹. В ряде суффиксов **ŋ* > чув. *о*², пройдя стадию **γ*.

§ 21. Пра-языковый **m* отражается в чувашском как *м*. Вопреки Räsänen'у³, *м* в чувашск. языке встречается в *inlaut'e* не только в заимствованных словах, но и в качестве вторичного звука, восходя к **b* перед носовыми, напр. чув. *мәйраға* «рог» ≠ Алт. *мүс*, Як. *муос* «рог», Осм. *boīnuз* < **böñez* «рог» = монг. *möğeresün* < **böñeresün* «хрящ».

Чув. *м* < **m*.

Чув. *ама* «самка, мать» ≠ монг. *eme* «женщина».

Чув. *кәмәл* «серебро» ≠ Уйг. *kütüš*, Каз. *көмөш* id.

Чув. *самәр* «жир» ≠ Алт. *сәміз*, Каз. *сәмәз* id.

В турецких диалектах наблюдается тоже вторичный *м* (< **b*), особенно в тех случаях, когда в следующем слове *н* или *ң*⁴. В этом отношении язык Орхонских надписей сохранил самые древние формы: *ben* «я», *baŋa* «мне», *biŋ* «тысяча», *biŋ* «страдание, печаль, затруднение» и т. д.⁵. Эти случаи следует, конечно, отличать от случаев дассимиляции *m* > *б*, напр. Шорск. *ныбак* || Каз. *јумак*, Кирг. *цумак* ≠ монг. *domoγ* «сказка, повесть». В монгольском **b* перед слогом с *н* дает *m*, срв. *mingγan*, Халх. *m'āңγā* «тысяча» ≠ Орх. *biŋ*, Дж. *ming* id.; монг. *möngke* «вечный» ≠ Орх. *beŋgü*, Уйг. *meŋggü*, Тоб. *māңγü* id.; *bī* «я», *mini* «меня»; *ba* «мы», *tami* «нас», срв. Орх. *ben* «я», *baŋa* «мне», чув. *ебә* «я», но *манән* «меня».

§ 22. Пра-языковые фонемы **l* и **r* отражаются в монгольск., турецких и чувашск. языках как *л* и *р*. Вначале слова они не встречаются ни в одном языке за исключением заимствованных слов или тех случаев, где исчез начальный гласный.

¹ Räsänen, op. cit., p. 41.

² Ашмарин. Материалы, стр. 90 и сл.

³ Op. cit., p. 39.

⁴ Radloff. Phonetik, §§ 221—222, 341—342.

⁵ Срв. W. Radloff. Altürkische Studien V. ИРАН 1911, стр. 481. V. Thomsen. Turcica, pp. 49 и сл.

Примеры *l.

Чув. ала «сито» ≠ Осм., Леб. älä- «просеивать», Осм., Крм., Шор. äläk «решето» ≠ монг. *elgeg* «решето».

Чув. ил- «братъ» ≠ тур. все диал. ал- id., Як. ыл- id. ≠ монг. Дэрб. äli «подай!».

Чув. јал «деревня» ≠ Алт., Леб. äl «народ», Уйг. *el* «народ», Енис. *el* id.¹

Чув. хәлхә «ухо» ≠ Уйг., Дж. *qulyaq* id., Орх. *qulqaq*, Алт., Тел., Шор. кулак id. ≠ монг. *qulay* «сегитен», *qulayubci* «наушники».

Чув. кала- «говорить» ≠ монг. *kele-* id.

Чув. паллә «знак», палла- «знать» ≠ Уйг. *belgü*, Як. bälä «знак», срв. венг. *bélyeg*, слав. белегъ ≠ монг. *belge* «знак»².

Примеры *r.

Чув. ар «мужчина» ≠ Уйг., Орх. *er*, Алт., Осм. әр «мужчина» ≠ монг. *ere* id.

Чув. ырә «хороший» ≠ Уйг. *arır*, Шор., Кыз., Саг. арыг «чистый, святой» ≠ монг. *arırın* «чистый».

Чув. хырәм «живот» ≠ Алт., Каз. карын id. ≠ монг. *qarbing* «жир на отвислом брюхе».

Чув. лар- «сидеть» ≠ Сой. олур-, Як. омор-, Уйг. *olur-*, Каз. отур- < *oltur-* «сидеть», *ol- ≠ монг. *olboy* < *olmay «коврик».

Чув. сүрә «половина» ≠ Осм., Ком. *yarı* id., Алт., Каз. јарым id. ≠ монг. *javim* «некоторый, половинна».

Чув. шүрә «белый» ≠ Уйг. *sarı* «желтый», Каз. сары id. ≠ монг. *sira* «желтый» и т. д.

Перед *t в чувашском языке *r исчезает:

Чув. вәда «середина» ≠ Уйг. *orta*, Осм., Кач., Саг. орта «середина».

Чув. вит- «покрывать» ≠ Уйг. *ört-*, Тар., Осм., Ад. брт- id.

Чув. тәвадә «четыре» ≠ Тар., Алт. төрт, Уйг. *tört*, Осм. дөрт id. ≠ монг. *dörben* id.

Чув. ыдә «излишек» ≠ Уйг. *artuq* «избыток»³. В заимствованиях комплекс *rt* остается⁴. Что касается комплекса *lt, то в чувашск. он за-

кономерно сохраняется, напр. чув. уәдә «шесть» ≠ Алт., Каз. и пр. алты id. Чув. ылтән «золото» ≠ Каз. алтын, Уйг. *altun* id. ≠ монг. *altan* id. В тех случаях, когда сталкиваются три согласных (-lt- и еще какая нибудь), то л исчезает: чув. утмәл «шестьдесят» ≠ тур. *altmış*.

Из сочетаний с *r следует упомянуть группу *-gr- ~ *-wr-, которая закономерно дает чув. р:

Чув. пүрә «почка» ≠ Осм. бөбрәк ~ бөйрәк, Як. бүүр id. ≠ монг. *bögere* id.

Чув. вөрән- «учиться» ≠ Уйг. *ögren-* id., Осм. өгрән- id., Кир. үрөн- id., Крм. үйрән- id.

Чув. мәйраға «рог» ≠ тур. Алт., Тел., Шор. мүс id., Дж. *mügüz* id. ≠ монг. *mögeresün* «хрящ».

§ 23. Группы *lč и *lč̣.

Группы *lč и *lč̣ закономерно дают чув. č. В монгольском обе отражаются как lč (*lč̣*), в турецк. языках *lč > лч, а *lč̣ > тур. ш¹.

Примеры *lč.

Чув. хәс «сабля» ≠ тур. Орх. *qılç*, Уйг. *qılıç*, Алт., Каз., Осм. кылыч «меч, сабля».

Чув. пізен «шиповник» ≠ Каз. білчән id.²

Примеры *lč̣, *lč̣̣.

Монг. *eljigen* «осел» ≠ Осм., Дж., Ад., Тар. ešek id.

Монг. *bolju-* «установить срок, условиться», *boljiyatai* || *boljiyatai* «воздержанный, скромный, благопристойный, действующий по правилам», *boljağa* «условие, взаимное обязательство» ≠ маңдж. *boljongro* «воздержанный» ≠ венг. *bulcsu*, *bolcsu* «отпущение грехов», *bocsát-* «отпускать, освобождать» < *bolč̣a- ≠ Осм. боша- «освобождать», бошан- «освобождаться», Уйг. *bošan-* «освободиться от грехов», Ком. *bošat-* «отпустить грехи», Уйг. *bošug* «обет, отпущение» > монг. *bošug* id.³

Венг. *bölcső* «колыбель» < *belč̣ig ≠ Осм. бешик, Дж. *bişik*, Каз. бишек, Койб. пезәк, Як. бісік (*bišä-* «качать») «колыбель»⁴.

Венг. *gyümölcs* «плод» < *jemetč̣ ≠ Уйг. *yemiş*, монг. *jimis* id.⁵

¹ V. Thomsen. Une lettre méconnue des inscriptions de l'Jénissei. JSFOu XXX, № 4, p. 9.

² Körösi Csoma Archivum I, 1, p. 84.

³ Ашмарин. Материалы, стр. 94.

⁴ Примеры для *rt* у Радлова, *Phonetik* § 304 сплошь заимствования из татарск. и черемисск.

¹ Н. Н. Поппе. К консонантизму алтайских языков. ДРАН 1924, стр. 43—44.

² Ашмарин. Материалы, стр. 92.

³ Gombocz. BTLU, p. 47—48.

⁴ BTLU, p. 54.

⁵ Räsänen, op. cit., p. 31.

Gombocz в *l* в венгерском языке видит «ein unorganisches Einschiebsel»¹, что опровергается данными чувашского языка и монгольского.

Ввиду соответствия **ĵemelĕ* и чув. *ĕimĕs* «пища» и **qilĕc* «меч» и чув. *xĕs* id. можно полагать, что группы **lĕ* и **lĕc* дают чув. *ĕ*. Срв. следующие примеры:

Монг. *selgü-* «пухнуть» ≠ Осм., Ком., Крм., Каз. *шĕш-* «опухать», Осм. *шĕшко* «опухоль» > русск. *шишка* ≠ чув. *шыс-* «пухнуть» < **silĕc-*.

Чув. *хыс-* «чесать» ≠ монг. *galĕi-* «скоблить, сглаживать поверхность кожи» ≠ тур. *кашы-* «чесать, гладить».

Чув. *xĕres* < **qarĕlĕan* «напротив» ≠ монг. *qarĕlĕan* «взаимно» ≠ тур. *каршы* «напротив» > монг. *garĕi* «препятствие».

Чув. *вĕрс-* «драться» ≠ монг. *urulĕa-* «состязаться» ≠ Алт., Шор., Леб. и т. д. *уруш-* «сражаться».

Примером **lĕ* > чув. *ĕ* может быть еще чув. *вĕс-* «мерить» ≠ Осм. *ölĕä-* id., Дж., Крм. id.

Отсюда видно, что в группах **lĕ* и **lĕc* в чувашском языке первый компонент исчез, а *ĕ* закономерно дал *ĕ* (§ 15)².

¹ BTLU, p. 177. Körösi Csoma Archivum, I. c.

² Количество примеров венг. *lĕ* можно увеличить монгольскими формами, не имеющими эквивалентов в чувашском, срв. монг. *bilĕceg*, Калм. *бицэ* «перстень» и венг. *bilincs* «ручные луты, наручники», русск. *бельчуг* (BTLU, p. 46); монг. *bilĕgei* «мудрец», Осм. *bilĕci* id. и венг. *bölcs* «ученый, мудрый» (BTLU, p. 54).

Известия Российской Академии Наук. 1925.

(Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie).

Везувианы из русских месторождений.

С. М. Курбатова.

(Представлено академиком А. Е. Ферсманом в заседании Отделения Физико-Математических Наук 8 июля 1924 года).

V.

Везувианы из асбестовых копей на границе Каменской и Монетной дач на Урале (описание месторождения).

1. Первые достоверные сведения о везувианах из асбестовых копей на границе Каменской и Монетной дач на Урале в литературе встречаются в 1907 году, когда В. И. Крыжановский¹, описывая месторождение серпентин-асбеста в этом районе, указывает, что из силикатов в асбестовых копиях им встречены гранаты, везувианы, хлориты и болюсы. Везувиан обнаружен был им в разрезе № 7 Поклевского совместно с гранатом, часто сопровождаемый хлоритом, и на западной стороне Говорухинского разреза, принадлежащего Корево.

В. И. Крыжановским был собран здесь прекрасный материал по везувианам, который хранится в Минералогическом Музее Р. Ак. Наук.

¹ Крыжановский, В. И. Тр. Геол. Музея Р. Ак. Наук, т. I 1907 г., стр. 57.

Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

**ИЗВЕСТИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

VI СЕРИЯ

ТОМ XIX. 1925

15 Мая — 15 Июня, №№ 9 — 11

**BULLETIN
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE RUSSIE**

VI SÉRIE

TOME XIX. 1925

15 Mai — 15 Juin, №№ 9 — 11

247(3)

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD

натро-ксонолит, пектолит и юкспорит различаются соотношениями CaO и Na_2O , ложатся вместе с волластонитом на соответствующей этим окислам стороне треугольника. Марганцевый пектолит и низолит, содержащие Mn , ложатся внутри треугольника.

Таким образом минералы пектолитовой группы распределяются как бы в двух рядах Ca SiO_3 и $(\text{Na}, \text{K}, \text{H})_2 \text{SiO}_3$ с одной стороны и $\text{Mn SiO}_3 \cdot \text{Ca SiO}_3$ и $(\text{Na}, \text{K}, \text{H})_2 \text{SiO}_3$ — с другой.

Интересно, что только что указанное намечающееся соотношение между природными представителями пектолитовой группы подтверждается экспериментальными работами А. С. Гинзберга¹ над кривыми плавокости Ca SiO_3 и Mn SiO_3 , Ca SiO_3 и $\text{Na}_2 \text{SiO}_3$. Исследуя систему Ca SiO_3 и Mn SiO_3 , автор приходит к выводу об отсутствии на кривой плавокости особых точек, отвечающих определенным химическим соединениям, и к получению ряда сплавов общего состава $(\text{Ca}, \text{Mn}) \text{SiO}_3$ с аддитивно меняющимися физическими признаками. Эти данные вполне согласуются с существующими в природе крайними членами системы Ca SiO_3 и Mn SiO_3 (родонит и волластонит) и соединениями неопределенного состава общей формулы $(\text{Ca}, \text{Mn}) \text{SiO}_3$ (бустамит).

В системе Ca SiO_3 и $\text{Na}_2 \text{SiO}_3$ тот же автор на кривой плавокости нашел несколько особых точек, из которых одна (точка С), отвечающая максимуму температуры плавления $= 1255^\circ$, является как бы соединением определенного состава $2 \text{Na}_2 \text{SiO}_3 \cdot 3 \text{Ca SiO}_3$, образующего непрерывные твердые растворы с исходными компонентами Ca SiO_3 и $\text{Na}_2 \text{SiO}_3$. Природные пектолиты автор рассматривает как химическое соединение близкое к особой точке С, но являющееся соединением переменного состава, чем и объясняется колебание в отношении CaO и Na_2O в природных пектолитах. Из этих экспериментальных данных существование природного богатого натрием минерала, как юкспорит, является вполне возможным.

Для подтверждения намеченных соотношений в минералах пектолитовой группы и для установления истинной природы юкспорита необходимы поиски в Хибинских Тундрах новых месторождений юкспорита, могущих дать более чистый материал для анализа.

ровною $\text{CaO}-\text{Na}_2\text{O}$. Положения марганцевого пектолита и низолита отыскиваются пересечением двух прямых, из которых каждая проводится указанным выше способом соответственно $\text{CaO} + \text{Na}_2\text{O}$ и $\text{CaO} + \text{MnO}$ (А. Holmes, Petrographic. Methods. Part III, p. 474).

¹ А. С. Гинзберг. Об изоморфизме бисиликатов кальция и марганца. Изв. Минер. и Хим. Лаб. СПб. Политехн. Инст. 1908. Стр. 15—18. А. Гинзберг и Х. Никогосян. Твердые растворы метасиликатов кальция и натрия. Известия Геол. Комит. 1923, XLII, стр. 62—85.

Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам.

Н. Н. Поппе.

(Представлено академиком С. Ф. Ольденбургом в заседании Отделения Исторических Наук и Филологии 9 апреля 1924 года).

IV¹.

Г Л А С Н Ы Е.

Долгие и краткие гласные первого слога.

§ 24. Вопрос о долгих гласных в турецких языках принадлежит к наиболее сложным. В. В. Радлов вообще не признавал возможным, чтобы в пра-языке могли существовать от природы долгие гласные, и все долгие гласные он считал результатом стяжения двух гласных по исчезновении отделявших их согласных, возводя формы, как Як. ат «имя» к форме, близкой к айт- «говорить», Як. үс «род» к **ulus* (= монг.) «народ», Як. бут «бедро» к **bult* (срв. монг. *bulcin* «икры») и т. д.²

Действительно, турецкие долгие гласные, в том числе и якутские гласные и дифтонги, часто восходят к комплексам гласн. + γ + гласн. и т. д., но все же, за вычетом последних, остается много случаев, когда якутскому долгому гласному во всех языках соответствует краткий и когда невозможно установить, исчез ли здесь какойнибудь согласный.

Böhtlingk до В. В. Радлова вполне правильно заметил соответствие якутск. дифтонгов *iä*, *yo*, *yö* и т. д. Нижегородск. Мишерским долгим *ä*, *ö*, *ö* и т. д., напр. Як. *biäs* «пять» $\neq$ Н. *biш*, Як. *yot* «огонь» $\neq$ Н. *öt id.*, Як. *küх* «синий» $\neq$ Н. *kүк id.* и т. д., и в этом отношении подошел ближе, чем другие, к правильному решению вопроса. Böhtlingk крайне

¹ См. ИРАН, 1925 г., стр. 23.

² Phonetik, §§ 102—108.

осторожно подошел к этой проблеме и прекрасно сознавал, что не все якутские долготы первичного происхождения¹, что однако не значило в его глазах, что первичных долгот в якутском языке нет. Что касается, в частности, Як. дифтонга *yo* < **ō*, то Böhlingk как раз возводит его к **ō*, приводя аналогии из ряда европейских языков².

С Böhlingk'ом не соглашался В. В. Радлов³; однако доводы, приводимые им, не убедительны, так как большинство приводимых для этого примеров и этимологий Радлова не верны.

Правильно подметил различие в количественном отношении гласных в якутском и османском, а также соответствия в орхонском К. Фоу⁴, статья которого вызвала возражения со стороны В. В. Радлова, приведенного против теории Фоу'а свои прежние соображения⁵.

Значительно подвинул вперед этот вопрос Grønbech, в то же время несколько запутав его. Дело в том, что Grønbech полагал, что долгие гласные в якутском языке явились результатом стяжения гласных после исчезновения согласного, находившегося между этими гласными. В своих предположениях он заходит еще гораздо дальше В. В. Радлова и возводит якутск. и прочие формы к ничем не обоснованным формам, вроде Як. *tüört* «четыре» < **töbärttā*, Як. *kūōx* и Чув. *kōvak* «синий» < **kōbāk* и т. д.⁶ Правило Grønbech'а, что долгие гласные отразились на начальном согласном в чувашском языке, палатализовав его, тоже оказывается не всегда действительным, срв. Як. *xās* ≠ Чув. *xur* «гусь», но Як. *xān* ≠ Чув. *jup* «кровь».

В последнем случае Grønbech предполагает исчезнувший **j* и возводит Як. *xān* ≠ Чув. *jup* к **kajan* или **kajan* и т. д.⁷ Зато Grønbech правильно заметил, что следующий за долгим гласным согласный в османском становится звонким, срв. Осм. *ad* «голод» ≠ Як. *ās id.*, Осм. *ad* «имя» ≠ Як. *āt id.* и т. д.⁸

¹ Über die Sprache der Jakuten, S. 136, 142.

² Op. cit., p. 144.

³ Phonetik, § 106.

⁴ Türkische Vocalstudien. Mitth. d. Semin. für Orient Spr. zu Berlin, III, Abth. 2. West-asiatische Studien. Berlin, 1900, S. 192, 209.

⁵ Zur Geschichte des Türkischen Vokalsystems. Bull. de l'Acad. des Sc. de St.-Pét. V Sér., Vol. XIV, № 4. Avril 1901, p. 431.

⁶ Forstudier, pp. 88, 91. Kel. Sz. IV, p. 234. Срв. возражения Мелиоранского в Gött. Gel. Anz. 166 Jhg., S. 497.

⁷ Forstudier, p. 97.

⁸ Forstudier, p. 61.

Против таких форм, как Як. *tüört* < **töbärttā*, выступил Н. Pedersen, справедливо заметивший, что долготы могли явиться не только в результате стяжения; но Pedersen в конце концов оказался неправ, заявляя, что он из якутского Quantitätswechsel не может вывести никаких заключений¹.

Интересную и вполне убедительную теорию о происхождении якутских долгих гласных высказал J. Németh, решительно отказавшийся от теории «стяжения» Grønbech'а и поставивший возникновение якутских долгот в прямую связь с пра-турской акцентуацией и указавший на соответствия якутским долгим гласным в чувашском языке. Напрасно только он на основании этого общего признака заключает о бывшем некогда периоде совместного развития якутского и чувашского языков².

С акцентуацией связывает пра-чувашские долготы также Г. И. Рамstedt, согласно которому двойные соответствия турецким гласным в чувашском языке объясняются тем, что ныне качественно различные пары гласных восходят к различно ударенным гласным³.

Итак, относительно турецких долгих гласных имеются теории, которые можно разделить на две категории: 1) теории Радлова и Grønbech'а, возводивших долгие гласные к комплексам гласн. + согласн. (+ гласн.) и 2) теории Böhlingk'а и Фоу'а, считавшихся с пра-языковыми первичными долготами. К последним отчасти примыкают теории Németh'а Г. И. Рамstedта.

Прежде, чем идти дальше, необходимо подробнее остановиться на теории Grønbech'а.

Для турецк. Алт., Осм. и т. д. от «огонь» более древней формой может быть **ōt* (срв. Уйг. *oot*, Як. *yot*, Чув. *yut*), ибо для формы с кратким *o* можно привести более древнюю с долгим (Уйг. *oot*). Возможно, конечно, что **ōt* в свою очередь восходит к еще более древней форме, напр. **owot*, **oyot* и т. п., но так как таковая нигде не засвидетельствована, идти дальше формы **ōt* нельзя, несмотря на аналогичную Як. *tūs* «соль», Чув. *təvar id.* и монг. *dabusum id.*, где долгота действительно результат стяжения. Поэтому то, как раз в виду соответствий в самом архаичном языке — языке монгольском форму Як. *tüört* «четыре», Чув. *təvadə id.* и Осм. *dört id.* невозможно возвести к **töbärttā*, так как в монгольском имеется форма *dörben*,

¹ Türkische Lautgesetze. ZDMG, 57 Bd., Heft III. Leipzig, 1903, S. 558.

² Die Langen Vokale im Jakutischen. Kel. Sz. XV, S. 161—163.

³ Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen, S. 7 ff.

основа *dör-*. Поэтому часто дальше якутских долгот идти нельзя. Последние являются несомненно первичными и пра-языковыми.

Что касается происхождения этих первичных долгих гласных, то, не предвещая пока вопроса о том, обусловлены ли они какими-нибудь явлениями акцентуации или они являются долгими независимо от пра-языкового ударения, они будут рассматриваться здесь просто как пра-языковые долгие гласные. Что они пра-языковые — пра-турецкие и даже до-турецкие, а не специально якутские, как полагал В. В. Радлов, впоследствии заменивший свою теорию «стяжения» другой, согласно которой долгие гласные появились на якутской почве из стремления фонетически обособить однозвучные основы, напр. Як. *āt* «имя» и *at* «конь», во избежание недоразумений на почве однозвучности их¹, каковая теория с лингвистической точки зрения не выдерживает критики, доказывається тем, что якутским долгим и кратким гласным в чувашском языке соответствуют качественно различные гласные, восходящие к количественно различным прототипам.

Итак, по всей вероятности, в до-турецкую эпоху и затем еще в пра-турецком языке имелись долгие гласные, оставившие ясные следы в чувашском языке и сохранившиеся донныне в якутском языке. Следы этих долгих гласных можно проследить и в некоторых других турецких наречиях: в Орхонском и Нижегородском.

§ 25. Турецкому *a* первого слога в чувашском языке соответствуют *y*, *ə* (ə), *y* (i); в монгольском языке *a*.

Переход **a > y* в чувашском яз. не мог произойти давно: об этом свидетельствуют соответствия в заимствованных в венгерском языке словах, срв. венг. *sár* «болото» < **sjar*, чув. *шур* id. ≠ тур. *saz* id.; венг. *tar* < *tar* «голый» ≠ тур. Кир. *таз* «голый» ≠ монг. *taraqai* «шелудивый», тунг. *тарака* «плешивый»². Булгарские надписи XIV ст. тоже сохранили формы с *a* ≠ чув. *y*, напр. *جال* — *jal* «год» ≠ чув. *сүл*, *عآ* — *ayū* «месяц» ≠ чув. *ујэх* id. Отсюда можно полагать, что переход **a > чув. y* мог завершиться после XIV ст. Этот переход распространяется на все случаи, кроме тех, где *y* соответствует турецкому *a*.

Переход **a* в *y* значительно древнее. Замечательно, что в якутском языке в тех же словах тоже наблюдается *y*, соответствующее турецк. *a*. Grønbach пытался объяснить переход **a > чув. y* влиянием следующего

за ним **u*¹. Г. И. Рамstedt полагает, что пра-языковый **a > чув. y* перед **i*, **l*, **l'* (здесь **l*), **r*, **r'* (здесь **r'*) и **y*², что, однако, обнимает далеко не все случаи, срв. хур «гусь» < **qā* (а не **хыр*) и т. д. Поэтому можно полагать, что чувашский и якутский *y* (≠ турецк. *a*) восходят к **ā*, фонеме близкой к **a* (> чув. *y*), по качественно отличной от нее, причем этот **ā* был скорее всего краткий.

Примеры Чув. и Як. *y* < **ā*.

Чув. *ил* «брат» ≠ Як. *ыл* id. ≠ проч. тур. диал. *ал* id.

Чув. *ырə* «хороший» ≠ Як. *ырəс* «чистый» ≠ Уйг. *arū*, Каз. *арū* «чистый, святой» ≠ монг. *arūn* «чистый».

Чув. *сыдар* «подушка» ≠ Як. *сыттык* «подушка», *сыт* «лежать» ≠ тур. *јат* «лежать», Осм. *јатак* «постель».

Чув. *ырхан* «тощий» ≠ Як. *ырыган* «тощий» ≠ Алт. *арык* «тощий».

Чув. *ыјт* «спрашивать» ≠ Як. *ыјыт* «спрашивать» ≠ тур. *айт* «говорить» ≠ монг. *ayiburci* «болтливый», **ai*.

Чув. *хирəс* «напротив» ≠ монг. *qarılcan* «взаимно» ≠ тур. *каршы* «напротив».

Чув. *хыс* «чесать» ≠ монг. *qalci* «скоблить, сглаживать поверхность кожи», *qalciyai* «гладилка для выделки кож» ≠ тур. *кашы* «гладить».

Чув. *хырə* < **qādi* «сосна» ≠ тур. Урянх. *кады* id.

Чув. *пыр* «ходить» ≠ тур. Уйг. *bar*-, Алт., Койб. *пар* id.

Чув. *сіс* «сверкать» ≠ Тоб. *јашын* «молния».

Чув. *сылəх* «грех» ≠ Уйг. *yaşuq*, Алт., Осм. *јазук* id.

Чув. *тымар* «корень» ≠ Як. *тымыр* «жила» ≠ Уйг. *tamir* «корень, жила» ≠ монг. *tamir* «сила, сущность», *čisun tamir* «жила».

Чув. *хыт* «отвердеть» ≠ Як. *кытəвах* «крепкий» ≠ Орх., Уйг. *qatū* «крепкий, жесткий», Алт. *катū*, Каз. *каты* id. ≠ монг. *qataŋi* «жесткий», *qata* «отвердеть».

Як. *ыс* «сеять» ≠ Уйг. *sač* id. ≠ монг. *saču* id.

Як. *кытар* «присоединить», *кытта* «вместе» ≠ Крм., Каз., Тоб., Осм. *катык* «прибавка».

Як. *тың* «заря» ≠ Алт., Кир. и т. д. *таң* id.

Як. *сыңəх* «щека» ≠ Уйг. *yaŋŋaq*, Тар., Бар., ККир. *јаңак* id.

Як. *сырдык* < **yārliq* «светлый» ≠ Уйг. *yarıq* «свет, блеск».

¹ W. Radloff. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türkssprachen. Зап. Акад. Наук. VIII серия, т. VIII, № 7, стр. 8.

² Gombocz. BTLU, pp. 138 ss.

¹ Forstudier, pp. 29 — 30.

² Die Stellung des Tschuwassischen, S. 7.

Трудно сказать, можно ли *ä считать пра-алтайской фонемой: в монгольском и в турецк. ничто не указывает на существование таковой в пра-языке. Поэтому на основании чувашского и якутского можно установить лишь пра-языковое чередование *a ~ *ä, обусловленное, быть может, комбинаторными влияниями.

Якутский ä и чувашский у восходят к долгому *ä.

Примеры.

Як. бär «существование» ≠ чув. пур- «быть» ≠ тур. bar «бытие».

Як. хäs «гусь» ≠ чув. хур id. ≠ тур. gaz id. ≠ монг. *γaγaγun* ~ **γaγaγun* id., срв. Дахурск. гару «гусь»¹.

Як. äл «судно» ≠ Уйг. sal «плот», Алт., Осм. сал id. ≠ монг. sal id. ≠ чув. сулэ «плот».

Як. сäl «жир под гривой» ≠ тур. jäl «грива» ≠ монг. dalu «лопатка».

Як. äт «имя» ≠ тур. at, Осм. ад id.

Як. äх- «считать» ≠ Уйг. saqış «счет, число», saqışēi «счетчик».

Як. хäs «бровь» ≠ тур. qaş, Н. käş id.

Как видно, *ä в чувашском дал у. Но в anlaut'e *ä отражается своеобразно, срв. следующие примеры: Як. äс- «голодать» ≠ чув. выс- «голодать», выйё «голодный» ≠ тур. aç «голод», Осм. aç id.²

Ввиду того, что переход *a > чув. у сравнительно недавнего происхождения, у < *a не может служить критерием при определении происхождения слова: оно может быть заимствованным и исконным. В таких случаях критерием является консонантизм, срв. чув. хујхə «горе» < Каз. käйы id. ≠ Уйг. qadı id. ≠ монг. *γasiγuda-* «печалиться», но закономерной формой является чув. хәрхү < *qadıqi «кислый».

Переходя, в заключение, к соответствию чув. ə ~ ə и турецк. а, следует сказать, что чув. ə ~ ə восходят здесь к краткому *a. Это развитие является результатом перемещения пра-языкового ударения с первого слога на последний, в результате чего гласный первого слога стал сперва кратким, а потом гласным неполного образования. Таким образом чувашск. хәрхү «кислый» < *qadıqi должен был пройти стадии *qadıqi > *qadıqi > *qarqi > чув. хәрхү и т. д.

¹ Разные этимологии этого слова у Gombocz'a и Ramstedt'a, см. Zur Lautgeschichte der Alt. Spr., S. 15 и JSFOu XIX, 97.

² К вопросу об а в языке Орх. надп. срв. Фоу, op. cit., p. 193, 214.

Примеры.

Чув. пәвәр «печень» ≠ Як. быар, Осм. бағыр id.

Чув. сәмза «нос» ≠ монг. samza «ноздря».

То же произошло и в заимствованных словах с уже переместившимся ударением, срв. чув. јәлдәрдат- «блестеть» < Каз. јалтыр- id. Наконец, в заимствованиях а также сохраняется, срв. чув. јах «сторона» < Алт., Каз. и пр. jak id.

§ 26. Пра-языковый *e отражается в монг. как e, в турецк. как e (в транскрипции Радлова ä), в чувашском как а. Переход *e > чув. а позднего происхождения, так как в заимствованиях в венгерском языке e удержался, срв. венг. tengér «море» < *tengir ≠ Уйг. tengiz id.¹ Этот *e был, вероятно, открытым, чем и объясняется переход его в чув. а.

Примеры для *e.

Чув. акка «старшая сестра» ≠ монг. eke «мать».

Чув. ала «сито» ≠ монг. elgeg «решето», elge- «просеивать» ≠ тур. äläk «решето».

Чув. аләк «дверь» ≠ тур. eşik id.

Чув. аллә «пятьдесят» ≠ тур. çik id.

Чув. алт- «копать» ≠ тур. eş- «грести».

Чув. ама «мать» ≠ монг. eme «женщина».

Чув. ар «мужчина» ≠ тур. er id. ≠ монг. ere id.

Чув. кала- «говорить» ≠ монг. kele- id.

Чув. паллә «знак» ≠ Уйг. belgü id. ≠ монг. belge id.

Чув. парға «крепкий» ≠ Уйг. berk id. ≠ монг. berke «трудный, сильный».

Чув. сағәр «восемь» ≠ тур. sekiz id.

Чув. самәр «жир» ≠ тур. semiz id. и т. д.

Кроме открытого *e (= ä) в пра-языке был еще закрытый *ē, отражающийся в чувашском как і, в Азербиджанском как ё, в других диалектах как ä ~ і.

¹ BTLU, p. 154—155.

Примеры для **ē*.

- Чув. *itl̥*- «слушать» ≠ Крм. *āit̥*-, Кирг. *esit̥*-, Тар., Осм. *ip̥it̥*- id.
 Чув. *pill̥ək* «пять» ≠ тур. Осм., Тар., Хив., Крм., Тркм., ККпр. *baṣ* id., Каз., Тоб. *biṣ* id.
 Чув. *ci*- «есть» ≠ Крм., Тар., Туб., Леб. *jā*-, Ад. *jē*- id. ≠ монг. *jete* «падалъ» ≠ мандж. *je*- «есть».
 Чув. *ci*l «ветер» ≠ Крм., Тар., Алт., Леб., Осм. *jäl* id.
 Чув. *ci*l̥ «вымя» ≠ Тар. *jäl̥in* id. ≠ монг. *deleng* id.
 Чув. *ci*t̥t̥i̥ «семь» ≠ Ен. *yeti* id.
 Судя по всем признакам, *ē*, давший в чувашском языке *i*, был долгий.

Примеры.

- Як. *biäs* «пять» ≠ Ен. *beš* id., др. диал. *biṣ*, Каз. *biṣ* id. ≠ болгарск. *bielim* «пятый», чув. *pill̥ək* «пять».
 Як. *ciä*- «есть» ≠ Уйг. *ye*-, Крм., Тар., Туб., Леб., Осм. *jā*- id. ≠ мандж. *je*- «есть» ≠ чув. *ci*- id.
 Як. *ci*t̥- «достигать» ≠ Тар., Алт., Леб., Туб. *jät*- «достигать», Крм. *jätä*- «привести», Осм. *jädä*- «вести» ≠ чув. *ci*t̥- «достигать».
 Як. *ciäl* «грива» ≠ Осм. *jälä*, Кюар. *jäläk* id. ≠ чув. *ci*l̥x «грива» ≠ монг. *del* < **del* «грива».

Любопытно отметить, что особое произношение этого звука отразилось на алфавите Енисейских надписей. Как раз в тех случаях, когда в якутском имеется *iä* и в чувашском *i*, в Енис. надписях звук «е» передается особым знаком, который V. Thomsen транскрибирует через *ē*; срв. след. примеры¹: Ен. *eki* «два»; Ен. *beš* «пять», Як. *biäs*; Ен. *bel* «талия», срв. Як. *bi*l id., чув. *pi*l̥ək id., монг. *belkegüsün* id.; Ен. *eš* «приятель»; Ен. *el*- «делать»; Енис. *yētmiš* «семьдесят»; Ен. *el* «народ», чув. *jäl* «деревня».

В языке Енисейских надписей, как показывают примеры, сохранился *ē*, как в древнем монгольском языке, о чем свидетельствуют надписи квадратного письма², срв. Б. 2 *yē-ke* «большой»; Б. 1, Б. 15, М. 1, Н. *dēṇ-ri* «небо»; Б. 5, Д. 4 *el-ci-ne* «послам»; Б. 21, Д. 15 *e-de* «эти» и т. д. Для основы *el* (Ен. «народ») имеется, как сказано, форма монг. квадратного письма *el-ciṇ* (помен на *-ci*) «посол». В языке турок Средней Азии XIII—XIV ст. *el* > *il*,

срв. титул «Ильхан». Наконец, в чув. **el* > *jäl* «деревня». Отсюда можно полагать, что чув. anl. *ja*-, Як. *iä* и Енис. *ē* одного происхождения. Восходит этот ряд соответствий, несомненно, к долгому **ē*.

Что в языке-предке чувашского языка был тоже долгий **ē*, доказывалось болгарскими надписями, срв. *جيات jiet* «семь», *بيالم bielim* «пятый» (≠ Енис. *yētmiš* «семьдесят» и *beš* «пять»).

Кроме **jäl* < **el* «деревня», в чувашском языке можно найти другой пример *ja* < **ē*: это чув. *jät* «ними» < **et*. Дело в том, что возвести чув. *jät* к **at* совершенно невозможно, ибо **a* > чув. *y*, а **ja* > чув. *jy*. Поэтому для чув. *jät* можно предположить только форму **et*, срв. Уйг. *et* «мясо, тело» и контаминацию с **at*, как предполагает Рамстедт¹.

На переходе **e* > чув. *ə* (ə) можно не останавливаться, ибо он обусловлен таким же перемещением ударения, как переход **a* > *ə*, *ə* (§ 25).

В заимствованных словах турецкому *ä* (е) в чувашском часто соответствует *ε* (открытый *e*), напр. *ε*л̥к «клевета», *jä*j̥ «разлив» < Миш. Б. *jä*j̥ «мелкое место в воде» и т. п. Räsänen объясняет переход *e* > чув. *ε* правильно, полагая, что чувашши подставляли *ε* вместо татарск. *ä* после перехода **e* > чув. *a*². Чувашский *ε* соответствует также турецкому *a*, срв. *ε*рне «неделя» ≠ Каз. *атна* < перс. Это явление Räsänen объясняет таким образом, что *ε* развился из **a* в то время, когда **a* уже дал чув. *y*, а **e* еще не дал чув. *a*³. Однако, переход **e* > чув. *a* завершился раньше, чем переход **a* > *y*, и поэтому скорее всего чув. *ε* восходит в заимствованиях к Каз. *ä* < **a*, каковой переход в Каз. наблюдается, как и в других диалектах, чаще в заимствованных словах, срв. Кир. *ä*д̥м «человек» < *ад̥м* и т. д.⁴

§ 27. Обще-турецкий **i* отражается во всех диалектах как *y*. Соответствующим гласным заднего ряда для *i* в старом монгольском языке был, вероятно, тоже **i*, что доказывается такими написаниями, как *taq̣iṣid*, *qiṣayag* и т. д.⁵ В чувашском языке краткий **i* дает *ə*, *ə*, точно так же, как и краткий **i* дал *ə*, *ə*. В чувашском, следовательно, краткие **i* и **i* совпали, как в монгольском.

¹ Räsänen, p. 53.

² Op. cit., p. 93.

³ L. c.

⁴ Radloff, *Phonetik*, § 110.

⁵ Б. Владимиров. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Аз. Муз. ГАН от проф. А. Д. Руднева. ИРАН, 1918, стр. 1550.

¹ Взяты у V. Thomsen. Une lettre méconnue des inscriptions de l'Énisei, p. 9 (JSFOu XXX, № 4).

² Сокращения: Д. — Дармабалы, Б. — Буянту Хана, М. — Минусинская табличка, Н. — Ньюкская. Цифры означают строки.

Чув. ә, ӓ < *i.

Чув. хәл «зима» ≠ тур. *qış* id.Чув. хәлэх «копский волос» ≠ тур. *qıl* id. ≠ монг. *kilyasun* < **qıl-* *yasun* «волос».Чув. хәр «девушка» ≠ тур. *qız* id.Чув. хәр- «краснеть», хәрлә «красный» ≠ тур. кыз- «краснеть», кызыл «красный» ≠ монг. *kirayan* < **qırayan* «полосы зари (красные)».

Чув. сәмрәт «черемуха» ≠ Тел. жымырыт, Шор. ныбырт id.

Чув. тһәлхә «язык» ≠ тур. *tıl*, Як. тыл id.

Чув. јеран «межа» ≠ Каз. ызан id.

Чув. јәдә «собака» ≠ Орх. *ūt*, Сой., Як. ыт id.Чув. јәвәс «дерево» ≠ Орх. *i* «лес», пр. диал. ыҗач «дерево», аҗач id. ≠ монг. *irγai* < **i-γai* «кустарник» < **qū-*.Чув. пәру «теленок» ≠ Каз. бызау id. ≠ монг. *biray* id.

Двойное отражение *i как ә и ӓ, повидимому, обусловлено индивидуальными колебаниями произношения, а также комбинаторными влияниями. И ә и ӓ — гласные неполного образования, срв. у Золотницкого пру «теленок» и пр.

§ 28. Пра-языковый *i отражается в турецк. диалектах как i, в монгольском как i (совпав с *i), в чувашском языке как ә или ӓ (совпав с *i).

Примеры Чув. ә, ӓ < *i.

Чув. пәл- «знать» ≠ турецк. *bil-* id.Чув. тһәр- «колено» ≠ Орх., Дж. *tiz*, Алт. *tizä* id. ≠ монг. *türei* «голешище».Чув. тһәрә «живой» ≠ Орх., *tirig*, Койб., Шор., Саг. *tirig* id., Кир. *tiri* id.Чув. әжә «теплый» < **isig* ≠ Уйг. *isig*, Саг. *iziğ* «теплый».Чув. шәбәр «метла» ≠ Дж. *šipär-* «мести», Крм. *šipär-* id. ≠ монг. *šigür* < **šiwür* «метла».Как правильно заметил Räsänen, переход *i > ә в чувашском наблюдается после ш, который часто восходит к *s¹. Попутно следует заметить, что *i оказал влияние на предыдущий согласный, в результате чего *q > j, *s > ш, *t > тһ.

Долгие *i и *ī оставили после себя ясные следы в якутском языке.

¹ Op. cit., p. 91.

Примеры Як. ī < *ī.

Як. ктс «соболь» ≠ Орх., Уйг. *kış*, Алт., Тел., Тоб. *kiš* id. ≠ самоед. Тавг. *ki*, Ост. *šii* < тур., Камасс. *šilä*¹ < тунг. Грубе *čyli* «горностай»; Як. ктс и тунг. *čyli* восходят к **gīli*.Як. ктр- «войти» ≠ Алт., Леб., Шор., Саг., Кач. и т. д. *kir-*, Орх., Уйг. *kir-* «войти, проникнуть» ≠ сам. Ост. *šērbač* «войти» < тур.² ≠ монг. *kür-* «прибыть, подойти».Як. ттс «зуб» ≠ Уйг., Дж. *tiš*, Алт., Тел., Кач., ККир. и т. д. *tiš* id.Як. бтр «один» ≠ Нижег. *bir* id., Орх., Уйг. *bir*, Осм., Хив., Крм. *bir*, Каз., Кир. *br* id.Долгий *ī тоже не оставил после себя следов в турецких языках; только в якутском и изредка в Нижегородском говоре он отражается как *bi*³.

Примеры Як. bī < *ī.

Як. ыт- «посылать» < **īd-* ≠ Уйг. *īd-*, Сой. ыт- «посылать, отпущать», Шор., Саг. ыс- id., Алт., Кюар., Ком. *i-* id. ≠ чув. *jar-* «посылать».Як. кын «ножны» ≠ Уйг. *qin*, Алт., Леб., Бар., Осм. кын id. ≠ чув. *jəñə* id.Як. кыс «дочь» ≠ Нижег. кыз id., Уйг., Орх. *qiz* id., Алт., Леб., Шор., Тоб., Тел. кыс, Осм., Каз., ККир. кыз id.Як. тьт- «разрывать» ≠ Уйг. *tūd-* «удерживать», Сой. тыс- «останавливать», Кир., Каз. тьи- id. ≠ чув. тһар- < **tir-* < **tūd-* id.Как видно, в некоторых случаях якутскому *bi* соответствует чув. а: *jar-*, тһар-. Grönbech полагал, что переход *ī > чув. а обусловлен следующим р (< **ḍ*)⁴; однако, судя по примерам, приводимым у Räsänen, это же развитие произошло и в некоторых других случаях, срв. чув. тһарак «подпорка» ≠ Дж. *tirek*; горно-черемисск. *пәш* «тотчас» < чув. тһас ≠ Каз. *tiz* < перс. *tiz* и т. д.⁵ Вообще, таких примеров очень мало, и поэтому трудно решить, есть ли переход *ī* > чув. а результат долготы пра-языкового *ī или нет.¹ Kai Donner. Über samojedisches š- und s-, JSFOu XXXVII, 2, p. 2.² Donner, l. c.³ Böhlingk, l. c.⁴ Forstudier, § 30.⁵ Op. cit., p. 77. Примеры а ≠ bī можно привести и из венгерск. яз., срв. Gombocz BTLU, p. 151.

§ 29. Пра-языковые фонемы *o и *u в чувашском языке совпали и дают э (ə) или у¹.

1. Чув. э < *o.

Чув. хэв- «гнать» ≠ тур. qoʻ- id.

Чув. хэвэл «пустота, душло» ≠ Уйг. qoʻriš id. ≠ монг. qoʻrosun id.

Чув. сэхэ «жадный» ≠ Уйг. sog id.

2. Чув. э < *u.

Чув. јэва «гнездо» ≠ монг. Халх. уја «засада, разбойничье гнездо» ≠ мандж. feje < *fuja «берлога».

Чув. јэх «сперма, семя» ≠ монг. иγ «начало» ≠ Алт., Тел. ук «род».

Чув. хэлха «ухо» ≠ тур. кулак id. ≠ монг. quluγи «семя в ушах».

Чув. хөндэр «оторочка из меха» ≠ Осм. кундуз «бобр».

Чув. сөлдэр «звезда» ≠ Уйг., Дж. yulduz id.

Чув. сөмарда «яйцо» ≠ Осм. јумурта, Бар. јумуртка id.

Чув. нэр «лед» ≠ Уйг. buz, проч. диал. буз, бус id.

3. Чув. у < *o.

Чув. үхэ «стрела» ≠ Уйг., Орх. oq id., Осм., Саг., Алт. ok id.

Чув. үдэ «трава, сено» ≠ Уйг. ot «трава», Осм., Саг., Алт. ot id.

Чув. хүр- «класть» ≠ Уйг. qoʻd-, Алт., Леб., Саг., ККир. koi- id.

Чув. түм «одеяние» ≠ Орх., Уйг., Дж. ton, Алт., Саг., Кир. тон «шуба» и т. д.

Чувашск. у здесь восходит к долгим *o и *u, а чув. э (ə) к кратким.

§ 30. Турецким ö и ü в чувашском соответствуют э, ə, у. Отражения *ö и *ü, следовательно, здесь совпали с *o и *u. В монгольском *ö > ö, *ü > монг. ү.

Примеры Чув. э, ə < *ü.

Чув. кэр «осень» ≠ Уйг. küz, Як. күс id., Тар., Кир. күз id.

Чув. кэрэ «шнурок» ≠ Алт. Вербицк. күзүг «нитчани», срв. Кир. күзö- «стричь овец».

Чув. кәрү «муж младшей сестры» ≠ Орх., Уйг. käreγü, Кир. күрөү «зять, жених», Дж. käreγü «зять».

Чув. сэр «сто» ≠ тур. жүз id.

¹ Radloff. Phonetik, § 116. Grønbech. Forstudier, p. 28. Ашмарин. Материалы, стр. 70—73. Gombocz. BTLU, p. 146. Räsänen, op. cit., pp. 84, 86.

Чув. сэр- «цедить, ловить рыбу сестью» ≠ Уйг., Ком. süz-, Бар. сүс-, Осм., Кир. сүз- «фильтровать, цедить», Кир. сүз- «ловить рыбу бреднем».

Чув. сәт «молоко» ≠ тур. все диал. сүт id. ≠ монг. sün id.

Чув. сәрә «кольцо» ≠ Осм., Бар. жүзүк id.

Чув. тәләк «сон» ≠ Уйг., Дж. tüş, Тар., Алт. түш «сновидение».

Чув. кәндәр «полдень» ≠ Уйг. күндүз «дневное время», Тел. күндүс id.

Чув. сәңә «жало, колючка» ≠ Крм. сүңгү «копье».

Чув. сәргән- «согнуть колени» ≠ Орх., Уйг. yükün- «становиться на колени».

Примеры Чув. э, ə < *ö.

Чув. ән- «гореть, тлеть, вянуть» ≠ Уйг. öng- «побледнеть», Тел. өң- «вянуть», Тар. өң- «полюбить».

Чув. кәбәр «мост» ≠ Осм. көprü id. ≠ монг. kögerge < *köwerge id.

Чув. пәвә «плотина, запруда» ≠ Кирг. бөгö id.

Чув. кәгәр «грудь» ≠ Осм. гөкүз, Крм. гөкүс id.

Чув. кәмәллә «ласковый, сердечный» ≠ Орх., Уйг. көngül «сердце, мысль», Тар., Кир. көңүл id. ≠ монг. kömüldürge «пагрудный ремень».

Чув. кәбәк < *köpük «пена» ≠ Осм. көпүк id. ≠ монг. kögesün < *köwesün id.

Чув. пәгә «пробка, затычка» ≠ Алт. нөк id. ≠ монг. bögle- «закупорить».

Что касается развития *ö и *ü > э, ə, то, прежде чем дать э, ə, *ö и *ü должны были совпасть. Двойное отражение э и ə объясняется физиологическими причинами, ибо э и ə в чувашском часто чередуются, и оба они — гласные неполного образования. Делабиялизация *ü и *ö объясняется, главным образом, тоже как результат переместившегося ударения.

§ 31. Переходя к более подробному рассмотрению долгих лабиализованных гласных, следует заметить, что из долгих гласных лабиализованные — единственные, оставившие после себя ясные следы в чувашском языке. В якутском *ö > уо, в Нижегородском ö¹, в Уйгурском еще существовал ö (графическое изображение оо, напр. ~~оо~~ — oot «огонь»), в чувашском *ö > ү (у), в начале слова часто в + у (у).

¹ Böhtlingk, op. cit., p. 143.

Примеры.

Як. уот «огонь» ≠ чув. вут id. ≠ Уйг. *oot* «огонь», Нижег. *от* id., проч. диал. *от* id. ≠ монг. *odcigin* «младший сын» (досл. «царевич огня» = «хранитель очага»).

Як. уон «десять» ≠ чув. вун id. ≠ Нижег. *он*, пр. диал. *он* id.
В *inlaut'e* якутскому уо соответствует чув. у.

Примеры.

Як. туол- «наполниться» ≠ Ниж. *тол-*, Каз. *тул-*, Уйг., Дж. *tol-*, Алт., Кир. и т. д. *тол-* ≠ чув. *тул-* id.

Як. буол- «быть, становиться» ≠ чув. пул- id. ≠ Орх. *bol-*, Тар., Тркм., Кир. *бол-* id. ≠ монг. *bol-* id.

Як. суол «дорога, путь» ≠ чув. *сүл* id. ≠ Орх., Уйг. *yol* id., Алт., Осм. *jol* id. ≠ монг. *jol* «счастье» (= Уйг., Кар. Л., Тел. «судьба»).

Як. суох «нет» ≠ чув. *сук* «нет» ≠ Орх., Уйг. *yog*, Алт., Тел. *jok*, Каз. *juk*, Кир. *qok* id.

Долгий **ö* отражается в якутском как *үө*, в чувашском в середине слова как *эва*:

Як. күөх «синий» ≠ чув. *кэвак* id., срв. венг. *kék* (= *kēk*) «синий» < булг. **kōk* ≠ тур. Уйг., Дж. *kōk* «синий, небо», Алт., Кир. *кōk* id., Осм. *гōk* id. ≠ монг. *kōke* «синий». Сюда же еще чув. *кэвагал* «утка» ≠ ККир. *кōgöl* «селезень», русск. гоголь < тур. и чув. *кэвагар'джән* «голубь» ≠ Каз. *күгәрчин* id., Алт. *көбөрчүн* id. ≠ монг. *kögöljirgēne* id.

Чув. *кэваба* «пупок» ≠ тур. Осм., Крм. *гөбәк*, Ад. *гүбәк* id.

Як. түөрт «четыре» ≠ чув. *тэвадэ* id. ≠ тур. Орх., Уйг. *tört*, Алт., Шор., Койб., Кирг. *төрт* id., Осм., Крм., Кар. Т. *дөрт* id. ≠ монг. *dör-ben* id.

В *anlaut'e* **ö* > чув. в + гласн. (а или э), срв. следующие примеры:

Як. үөс «сердцевина, середина» ≠ чув. *вар* «середина» ≠ тур. Уйг., Орх. *öz* «сам», Кир., ККир., Тар., Осм. *öz* «сердцевина, сам» ≠ монг. *бур*. *Castr.* *өр*, *өрө* «сам», документы из Идикут Шари *öre* (= *öre*)¹ и т. д. < **öwere*, пясм. *öbere*. Долгота в турецк. объясняется исчезновением спланта **w*.

¹ G. J. Ramstedt. Mongolische Briefe aus Idikut-Schähri bei Turfan. Sitzb. d. K. Ak. d. Wiss. zu Berlin, 1909, p. 847.

Як. үөрән- «учиться» < **ögren-* ≠ чув. *вэрән-* < **ören-* < **ögren-* «учиться» ≠ Уйг. *ögren-* id., Осм. *öirän-* id., Крм. *ögrän-* id.

Як. үөс «желчь» < **öc* ≠ тур. Тар., Алт., Леб., Крм. *öç*, Уйг. *öc* «злора, месть», Осм. *öd* < **öt* «желчь», Алт., Тел., Шор., Саг., Кир. *öt* «желчь» ≠ монг. *ösi-* «ненавидеть», *ösige* < *ösige* «ненависть» ≠ чув. *ват* < **öt* «желчь».

Чув. *вадэ* «старый» < **öte* ≠ монг. *ötegü* «старец», монг.-квадр. (Дармабала, 4) *ö-tö-gü-se* «старшинам».

Примеров для чув. *эва* < **ö*, как видно, много, и любопытно, что слова с **ö* заимствованы в венгерск. языке с *é* (= *ē*), что указывает на долготу гласного¹.

В некоторых случаях чувашск. в + гласн. соответствует краткому Як. *ө*, напр. Чув. *вил-* «умирать» ≠ Як. *öl-* id. ≠ монг. *ölüs-* «голодать, умирать от голода».

§ 32. Долгие **ä* и **ī* отражаются в якутском и в Нижегородском, как *ү* и *й*.

Примеры Як. *ү* < **ä*.

Як. *үр-* «класть».

Як. *үс* «род».

Як. *бүс* «лед» ≠ пр. диал. *буз* id.

Примеры Як. *й* < **ī*.

Як. *йүр-* «гнать» ≠ Орх., Уйг. *sür-*, все диал. *сүр-* id.

Як. *йүсә* «вышина» ≠ Тел., Алт., Саг. и т. д. *үст* «верхняя часть».

Як. *түн* «ночь» ≠ все диал. тур. *түн* id. ≠ монг. *tüne* «мрак, мрачный».

Як. *түл* «сон» ≠ тур. Уйг. *tüs*.

Як. *сүс* «сто» ≠ тур. *yüz* id.

В начале слова на ряду с теми случаями, когда турецким *и* и *й* в чувашск. соответствует *у*, этим же *и* и *й* соответствует еще чув. в + гласн., срв. следующие примеры:

Чув. *вэс* «копеец» ≠ Алт., Леб., Шор. *уч*, Уйг. *иç* «острый конец».

Чув. *вэс-* «летать» ≠ Алт., Леб., Шор., Тар., Осм., Ад. *уч-*, Уйг. *иç-* id.

Чув. *вәй'дјә* «икра» = Каз. *үлдық* id., Тоб. *улытык* < **oyılduq*, срв. Дж. *oyılduq* id., Кир. *улдурук* id.

¹ Gombocz. BTLU, p. 159.

Чув. вѣрах «долго» ≠ тур. Алт., Кир., Осм. узак «долгий», уза-
«длиться долго».

Чув. вѣран- «просыпаться» ≠ Каз., Осм. уѣан- «просыпаться», Крм.,
Кир., Леб. и т. д. оѣан- id. < *иѣан-, срв. Дж. оѣан-, Алт. оѣан- id.

Чув. вѣрѣ «семья» ≠ тур. Тар. урук «семья, род, племя», Кирг. урӯ <
*ириу id., Як. урӯ «родство» ≠ монг. ириу id.

Чув. вѣрѣ- «драться» ≠ монг. ирилѣа- «состязаться» ≠ Алт., Тел.,
Кач., ККир., Кар. Т. уруш- < *ирилѣа- «сражаться», Саг., Койб. урус-
«ссориться».

Примеры Чув. в + гласн. ≠ тур. и.

Чув. валѣ «доля» ≠ Як. үлѣ < *үлѣ < *үлѣг «доля» ≠ Тел., Кумд.,
Бар. үлѣ, Уйг. үлѣг «доля, часть», Уйг. үлѣш id.

Чув. вар «долина, овраг» ≠ Каз. үзән «долина», Бар. үзән «ручей»,
Кир. өзән «речка».

Чув. вѣгѣр «бык» ≠ монг. үкер «бык», срв. венг. ökör (1291 г. *ekur*,
1326/1470 *ewker*) «бык, рогатая скотина»¹ ≠ тур. Осм. öküz, Ком. oqus,
Кир. ögüz, Каз. үгәз «бык», Башк. үгүд, Карaim. ägiz, Як. обус «бык».

Чув. вѣгѣ «три» ≠ тур. (все диал.) ич id.

Можно полагать, что во многих случаях чув. в + гласн. восходит
к anl. *и и *ӣ.

Закономерно чувашск. ү восходит также к *у (< *а, < *и и т. д.)
+ *у (и), срв. Чув. пүрне < *пүрне < *bariyan «палец» ≠ тур. *barmaq*
id. ≠ монг. *bari*- «хватать».

Чув. хүрѣ < *хүрѣ «хвост» < Каз. көрпек id.

Чув. пү < *biy «рост» < Каз. буй id. и т. д.

Дифтонг *iā или *ia.

§ 33. Наряду с такими случаями, когда якутскому долготу ā в турецк.
диалектах соответствует краткий а и чув. у (< *а), наблюдаются еще такие,
когда якутскому ā соответствует в чувашском тот же у (< *а), но с преды-
дущим j или сильно палатализованным согласным. Гласный здесь отра-
жается в обоих случаях одинаково: и в первом случае наблюдается чув. у
(≠ як. ā) и во втором случае у (≠ як. ā) с тою лишь разницей, что во втором
случае предшествующий согласный в чувашск. палатализован, т. е. 1) як.
хās «гусь» ≠ чув. хур id., 2) як. хāн «кровь» ≠ чув. јун id.

¹ BILU, p. 111.

Отсюда ясно, что между обоими рядами соответствий необходимо
делать разницу. Первый случай восходит к *ā, а второй к *iā (resp. *ia),
ибо палатализация и ряд переходов *t > c (tñ), *s > ш, *q > j вообще
наблюдаются только перед *i.

Итак, anl. *iā (*ia) > чув. ју, тур. а; inl. *iā (*ia) > чув. у (с пала-
тализацией предшествующего согласн.), Як. ā, тур. а, монг. i.

Примеры *iā (resp. *ia).

Чув. јус «горностай» ≠ Алт., Леб., Сой., Койб., Кач., Каз. ас,
Орх. as id.

Чув. јух- «течь» ≠ тур. (все диал.) ак- id.

Чув. јун «кровь» ≠ тур. (все диал.) кан, Як. хāн id., срв. самоед.
Юрак. хеам «кровь».

Чув. јул- «оставаться» ≠ тур. (все диал.) кал-, Н. kāl-, Як. хāl-
или k'āl- id.

Чув. јур «снег» ≠ тур. кар id., Як. хār или k'ār id. ≠ монг. *kirmay*
«снежок, мелкая пороша», *kir* < *qiar + суфф. -may (срв. *naqur-may*
«озерко»).

Чув. тичул «камень» ≠ Як. тās, ост. тур. диал. таш id. ≠ монг.
čilayun id.

Чув. шүрѣ «белый» ≠ тур. сары, *sarıy* «желтый» ≠ монг. *sira*
«желтый».

Чув. шүр «болото» ≠ тур. Каз. и пр. саз id.

Чув. сүл «год», булг. *jal* id. ≠ тур. Тар., Алт., Ком., Каз. јаш
«год жизни», Як. сās «возраст».

Чув. сүр «весна» ≠ Орх., Уйг. *yaq*, Осм., Тар., Каз. јаз id., Як. сās
«весна» ≠ монг. *nirai* «новорожденный» ≠ мандж. *niyaxun* «зеленый,
свежий».

Чув. сүл «слеза» ≠ тур. Тар., Алт., Тел., Осм. јаш id. ≠ монг.
nilbi- «плевать», *nilbusun* «слеза», *nil- < *niāl-.

Дифтонг *iā- является, вероятно, пра-алтайским: отражения его
имеются в монгольском, манджурском, турецких диалектах, якутском и
булгаро-чувашском: в монг. *iā > i, в мандж. ia (в письме *iya*), в турецк.
*iā > *а > а, в якутск. ā, в чувашском у (< *а < *ā) с палатализацией
предшествующего согласного или ју в anlaut'e¹.

¹ Б. Я. Владимирцов и Н. Н. Поппе. Из области вокализма монголо-турецкого пра-
зыка. ДРАН 1924, стр. 33 и сл.

Гласные второго слога.

§ 34. Установить какие либо правила соответствий чувашских и турецких гласных второго и следующих слогов не представляется пока возможным. Следует лишь остановиться на одном вопросе, могущем быть интересным для последующих работ.

Прежде всего, любопытно отметить то обстоятельство, что в монгольском языке слово, часто двусложное, соответствует турецкому односложному. Это объясняется тем, что двусложная пра-языковая основа с ударением на первом слоге и *открытым вторым слогом в турецких диалектах утратила неударенный гласный второго слога, срв. следующие примеры:

монг. *čila-γun* «камень» ≠ тур. *taş* id.

монг. *düri* «вид» ≠ тур. *yüz* «лицо».

монг. *qata-* «сохнуть» ≠ тур. *qat-* id.

монг. *saγa-* «донть» ≠ тур. *saγ-* id.

монг. *sayin* < **saγi-n* «хороший» ≠ тур. *saγ* «здоровый».

монг. *saki-* «охранять» ≠ тур. *saq-* «бодрствовать».

монг. *qonin* «овца» ≠ тур. Орх. *qon*, Алт. *koi* id.

монг. *tüne* «мрачный» ≠ тур. *tün* «ночь».

монг. *düli* «юг» ≠ тур. *tüs* «полдень, юг».

монг. *basu-* «глумиться» ≠ тур. *bas-* «попирать».

монг. *siqa-* «давить» ≠ тур. *sığ-* id.

монг. *jadusun* < **jaða-sun* «концы лука» ≠ тур. **jað* > *yai* «лук».

монг. *baya-n* «богатый» ≠ тур. *bai* id.

монг. *erke* «сила» ≠ тур. *erk* id.

монг. *ere* «мужчина» ≠ тур. *er* id.

монг. *köke* «синий» ≠ тур. *kök* id.

монг. *γala-γun* «гусь» ≠ тур. *qaz* id. и т. д.

Таким образом по приведенным примерам можно полагать, что гласный открытого второго и неударенного слога пра-языковой двусложной основы в турецких языках исчез, пример: монг. *siqa-* «давить» < **sīqa-* > тур. *sığ-* id.

Закрытый неударенный слог (второй) двусложной основы этим изменениям в турецком не подвергся, срв. следующие примеры:

монг. *biga-γu* «теленок» ≠ тур. *büzaγ*.

монг. *qadıu* «тесть» ≠ тур. *qadıu* id.

монг. **domaγ* > *domoγ* «повесть» ≠ тур. *yıtaq* «загадка, сказка».

монг. *kömtül-dürge* «грудной ремень» ≠ тур. *köngül* «сердце».

монг. *qoγur* «балалайка» ≠ тур. *qobuz* id.

монг. *otıuγ-γun* «грудь» ≠ тур. *otuz* «плечо».

монг. *deleuγ* «вымя» ≠ тур. *jälän* и т. д.

Принимая во внимание последний ряд соответствий, можно полагать, что во всех тех случаях, когда в турецких диалектах сохраняется гласный открытого второго слога, мы имеем дело с древними заимствованиями из монгольского, напр. монг. *jänggi* «новость» > тур. *yangı* «новый»; монг. *törü* < **törä* «закон» > тур. *törä* id.; монг. *ači* < **ači* «внук» > Орх. *ači* id. и т. д. При этом к хронологии этих заимствований можно заметить, что попали они в турецк. диалекты уже после исчезновения гласных вторых открытых слогов в турецких диалектах.

Гласный второго слога, закрытого, как уже сказано, в турецких диалектах сохраняется. При этом любопытно соответствие монг. *a* и турец. *i* второго слога, которое наблюдается на ряду с соответствием монг. *a* и тур. *a*, срв.: монг. *sira* «желтый» и турец. *sarı* id.; монг. *kiraγan* < **qiraγan* «красные полосы зари» ≠ тур. *qızıl* «красный»; монг. *dulaγan* «теплый» ≠ Леб., Кюар. *jılyıg* id. и т. д., также как и чередование в монгольск. *i* ~ *a* второго слога, срв. *quraγan* ~ *qurıγan* «ягненок», *γadayi-* ~ *γajıyi-* < **γajıyi-* «кривиться», *kilayı-* «скосить глаза» ~ *qalıγ* «косой» и т. д. Это чередование так же, как и соответствие монг. *a* и тур. *i* второго слога восходит к гласному неполного образования, именно к **a°*. Любопытно, что и в чувашском языке турецкому *i* второго слога соответствует *a*, срв.:

Чув. *сырлах-* «смиловаться» ≠ тур. Орх. *yarlıga-* id.

Чув. *тымар* «корень» ≠ тур. *tamır* id.

Чув. *ыраш* «рожь» ≠ Каз. *арыш* id. и т. д.¹

Далее, в чувашском языке часто слово бывает двусложным, а соответствующее турецкое односложное, срв. чув. *ухэ* «стрела» ≠ тур. *oq*; чув.

¹ Ашмарин. Материалы, стр. 76.

jəðə «собака» ≠ тур. *it id.*; чув. *удə* «сено» ≠ тур. *ot* «трава» ≠ монг. *ota-či* «врач» и т. д. В таких случаях чувашский язык, как и монгольский, является несомненно более консервативным.

Все сказанное несомненно говорит в пользу предположения, что в языке ударение было на первом слоге. Этим и объясняется исчезновение гласных вторых слогов открытых в турецких диалектах. Сохранились же гласные вторых открытых слогов, кроме заимствований, в тех случаях, когда ударение перешло с первого слога на второй ранее, чем гласный второго слога редуцировался.

Пока это все, что можно сказать о вокализме второго слога. О трех-сложной основе пока еще не приходится говорить.

З а к л ю ч е н и е.

Чувашский язык, как видно из данного исследования, имеет много общего с турецкими диалектами, а также много общих черт с монгольским языком.

Самым характерным признаком чувашского языка, по которому его необходимо выделить из группы турецких диалектов в особую группу, к которой принадлежит и монгольский язык — это отражение пра-языкового $*\gamma$ как чувашск. и монг. γ , а затем соответствие чув. и монг. $l < *L$ и тур. $\dot{s} < *L$. Эти две особенности, можно сказать, самые главные. Далее, чувашский язык имеет еще несколько общих черт с монгольским языком, но эти, быть может, являются результатом параллельного развития, таковы: 1) развитие $*t^i >$ чув. и монг. $\dot{c}$ (чув. *tii*); 2) развитие $*s^i >$ чув. и монг. $\dot{s}$; 3) развитие $*q >$ чув. и монг. x (в письм. монг. q , в живых диалектах x), $*k >$ чув. к и монг. письм., а также ойратск. к, но эта особенность — общая и для якутского языка.

Теперь остается сказать об общих чертах чувашского и турецких языков. Прежде всего, замечательно то обстоятельство, что, подобно турецким диалектам, в чувашском языке совпали в *anlaut'e* $*n$ ($*\dot{n}$), $*\dot{o}$, $*\dot{j}$, $*y$, дав в чув. $\acute{c}$, як. с, в др. тур. диал. j (кирг. ψ). Затем совпадение глухих и звонких смычных в *anlaut'e*, а именно $*t$ и $*d$ дали в чув. и тур. t ; $*q$, $*k$, $*\gamma$ и $*g$ дали в тур. к и к, в чув. х и к. Замечательно также, что некоторые изоглоссы соединяют чувашский язык специально с якутским языком: срв. развитие $*y$ и всех совпавших с ним фонем в *anlaut'e* в чув. $\acute{c}$ и як. с, затем развитие $*\dot{c}$ в як. с и в чув. $\acute{c}$, далее развитие $*\dot{a}$ в як. и чув. ы. Наконец, самое главное, это то, что в чувашском языке некоторые долгие гласные отражаются совершенно своеобразно, что наблюдается теперь еще только в якутском языке. Однако, эта изоглосса проходит также через все турецкие диалекты, ибо долгие гласные существовали в Уйгурском, Орхонском и Османском и имеются в Нижегородском наречии.

Чувашский язык отличается также от турецких и монгольского языков рядом особенностей, свойственных только ему одному. Во первых, развитие *inl.* $*\dot{o} >$ чув. р, *inl.* $*y >$ чув. в. Наконец, совершенно отличное отражение пра-языкового $*ja$ и еще развитие $*q^i >$ в чув. j . Совершенно

отличен также вокализм чувашского языка, но это инновация недавняя: еще в XIV ст. на месте нынешнего у в чувашском был а, несколько ранее произошел переход *e > чув. а.

Итак, считать чувашский язык диалектом турецким невозможно, невозможно его считать и диалектом монгольским. Вот почему необходимо было выделить его в особую группу, так называемую «булгарскую», ибо нынешний чувашский язык и волжско-булгарский, насколько он дошел до нас, два диалекта одного языка. Возможно, что чувашский язык прямой потомок булгарского, прямое продолжение последнего, но возможно, конечно, что пра-чувашский и булгарский существовали наряду, являясь двумя чрезвычайно близкими друг к другу диалектами одного языка. Это и дает, до некоторой степени, право рассматривать булгарский язык, как более древнюю стадию чувашского языка.

Чувашский язык восходит не к пра-турецкому языку, ибо ближайший предок нынешних турецких наречий — пра-турецкий язык — был з- и ш-язык, в котором уже завершился переход *j > *z и *L > *š, но к одному предку с пра-турецким языком. Этот чувашско-турецкий или булгарско-турецкий пра-язык является гораздо более древним, чем пра-турецкий язык, и самым правильным названием для него будет «до-турецкий».

На этом можно остановиться. Целью настоящего исследования было установить фонетическую систему алтайских языков — монгольского, турецких и чувашского, — определить место чувашского языка среди родственных ему, и в результате настоящей работы выяснилось, что чувашский язык, входящий с языком Волжских булгар в одну группу, названную здесь булгарской, должен быть причислен к алтайским языкам как язык, отделившийся в до-турецкую эпоху.

Измерения радиоактивности и ионизации воздуха на Тюя-Муюне в августе 1924 года¹.

В. И. Баранова.

(Представлено академиком А. Е. Ферсманом в заседании Отделения Физико-Математических Наук 25 марта 1925 года).

В августе 1924 года мною было произведено по предложению администрации Государственного Радиового Рудника несколько измерений радиоактивности воздуха в пещерах и выработках Тюя-Муюна, а также ионизации и радиоактивности свободной атмосферы в окрестностях рудника. Результаты этих измерений представляют на мой взгляд некоторый интерес в двух отношениях. Во-первых, они дают материал для оценки радиоактивности данного района, во-вторых, попутно удалось выяснить ряд вопросов, освещающих важные детали методологии исследований такого рода.

I.

Приборы и методы измерений.

Радиоактивность воздуха измерялась двумя методами. В тех случаях, когда концентрация *RaEm* была значительна (выработки и пещеры), применялся фонтантоскоп с электрометром Wulf работы Günther и Tegetmeier в Брауншвейге с 10-литровой ионизационной камерой. Измерения производились подобно тому, как это делали Р. Ludwig и Е. Lorenser при исследовании рудничного воздуха², с тем отличием, что в моем распоряжении имелась только одна ионизационная камера, — обстоятельство, замедлявшее работу. Испытуемый воздух набирался в камеру или замещающую

¹ Доклад, прочитанный на предварительном Техническом Совете Работников Радиового Дела при Государственном Радиовом Институте в декабре 1924 года.

² Zschr. f. Phys. 22, 178, 1924.